

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА**

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

**Электронный бюллетень
*ПРАКТИКУМ***

2

Москва, 2018

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА**

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

**ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ И
МИРОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Электронный бюллетень
ПРАКТИКУМ

2018 - № 2

Москва, 2018

Электронный бюллетень «ПРАКТИКУМ» предлагает читателям подборку научных рефератов и реферативных обзоров, подготовленных студентами магистратуры факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках учебного курса «История и методология мирополитических и глобальных исследований».

Проект носит некоммерческий характер.

Научная редакция: Т.В. СКОРОСПЕЛОВА – д-р ист. наук; С.А. ТАТУНЦ – д-р соц. наук, проф.; А.М. ПОНАМАРЕВА – канд. соц. наук.

Электронный бюллетень «ПРАКТИКУМ». МГУ им. М.В. Ломоносова. Факультет мировой политики. – М., 2018. – № 2.

Данный номер включает в себя подборку рефератов по актуальным вопросам международной безопасности; региональным проблемам мировой политики, а также отдельным аспектам информационного обеспечения внешней политики.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

НАРДУЛЛИ П., ПЭЙТОН Б., БАДЖАЛИ Дж. ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА И ГРАЖДАНСКИЕ БЕСПОРЯДКИ: ВЛИЯНИЕ ВНЕЗАПНЫХ ПРИРОДНЫХ КАТАСТРОФ // J. of conflict resolution. – 2015. – Vol. 59, N 2. – P. 310–335.

Ю.С. Харитоник.....6

БЕСТ Ж. БЕЗОПАСНОСТЬ, ЭКОНОМИКА, НАСЕЛЕНИЕ: ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЛОГИКА ЛИБЕРАЛЬНОГО ЭКСЕПЦИОНАЛИЗМА // Security dialogue. – 2017. – Vol. 48. – N 5. – С. 375–392.

К.А. Никифорова.....11

НАРРАТИВЫ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ МИРОПОРЯДКА В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ. (Сводный реферат).

А.В. Скобелева.....16

ПАНКЕ Д. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ. – University of Freiburg, 2017.

Н.С. Жумабаева.....29

КОМАС Дж., ШРИВАСТАВА П., МАРТИН С. Э. ТЕРРОРИЗМ КАК ФОРМАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, СЕТЬ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ // J. of management inquiry – SAGE, 2015. – Vol. 24. N 1. – P. 47–60.

Е.А. Карнаухова.....37

БРИЛЛ Дж., БЛИСС Дж., ... ВОПРОСЫ ЭТИКИ, ДОВЕРИЯ И ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЛАСТИ АВТОНОМНЫХ СИСТЕМ // Proceedings of the human factors and ergonomics society annual meeting. – 2016. – Vol. 60. – P. 308–312.

А.Ю. Липова.....44

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

КРИСТИ Э.Х. РАЗРАБОТКА ЗАПАДНЫХ САНКЦИЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ РОССИИ // The RUSI j. – L., 2016. – Vol. 161, N 3. – P. 52–64.

Г.С. Татевосян.....49

ЧАЗИЗА С.М. КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ТРИГГЕР ИЗМЕНЕНИЯ «ПРАВИЛ ИГРЫ» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ? // Contemporary rev. of the Middle East. – 2016. – Vol. 3, N 2. – P. 1–15.

В.А. Палченко.....55

СТОБДАН П. ИНДИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: РАЗВЯЗЫВАЮЩАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ УЗЕЛ // Strategic analysis. – Abingdon, 2016. – Vol. 40, N 1. – P. 14–25.

В.Е. Редько.....62

БУРЭНЖ Л.Г., ТАКУР П., КЕЛКАР Х.К. ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ И ВНУТРИОТРАСЛЕВАЯ ТОРГОВЛЯ В ПРОИЗВОДСТВЕННОМ СЕКТОРЕ ИНДИИ: ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ // Foreign trade rev. – New Delhi, 2017. – Vol. 52, N 4. – P. 203–218.

А.А. Герасимов.....68

ТОД СТЮАРТ ВАН ГУНТЕН. СПЛОЧЕННОСТЬ, КОНСЕНСУС И КОНФЛИКТ: ТЕХНОКРАТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В МЕКСИКЕ И АРГЕНТИНЕ // Int. j. of comparative sociology. – 2016. – Vol. 56, N 5. – P. 1–25.

Л.Р. Гудова.....70

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

СЕО Х., ЭБРАГИМ Х. ВИЗУАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА В ФЕЙСБУКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА // Media, war & conflict. – L., 2016. – Vol. 9, N 3. – P. 1–25.

Е.Ф. Щетинина.....77

ЖУКОВА Е. ОТ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ К КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЕ: ВОСПРИЯТИЕ АВАРИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И НА УКРАИНЕ // Acta sociologica. – 2016. – Vol. 59, N 4. – P. 332–346.

И.А. Сидоров.....87

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИИ: КОНСОЛИДАЦИЯ ОБЩЕСТВА ЧЕРЕЗ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕМУ ВРАГУ (Сводный реферат)

Д.Ю. Безгина.....92

КРИСТИАН С.М. АУТИЗМ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕТАФОРЫ АУТИЗМА В МЕЖДУНАРОДНЫХ

ОТНОШЕНИЯХ // European j. of international relations. – L., 2018. – Vol. 24, N 2. – P. 464–488.

***Е.А. Лексина*.....101**

ДЖОНСТОН ДЖ. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС: НОВЫЙ ТИП МЫШЛЕНИЯ ДЛЯ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ? // Public relations inquiry. – L., 2017. – Vol. 6, N 1. – P. 5–22.

***Н.И. Плашкина*.....106**

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

НАРДУЛЛИ П., ПЭЙТОН Б., БАДЖАЛИ Дж. ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА И ГРАЖДАНСКИЕ БЕСПОРЯДКИ: ВЛИЯНИЕ ВНЕЗАПНЫХ ПРИРОДНЫХ КАТАСТРОФ.

NARDULLY P., PEYTON B., BAJJALIEH J. Climate change and civil unrest: the impact of rapid-onset disasters // J. of conflict resolution. – 2015. – Vol. 59, N 2. – P. 310–335.

Ключевые слова: климатические изменения; гражданская борьба; природные катастрофы.

Питер Нардулли, Бадди Пэйтон и Джозеф Баджали (Университет штата Иллинойс в Урбана-Шампейн, США) анализируют влияние, оказываемое природными катастрофами, на колебания уровня политического насилия, проявляющегося, в частности, в виде гражданских беспорядков. Последние определяются авторами как комплекс антигосударственных, разрушительных действий, инициированных гражданами с целью выразить свое недовольство позицией властей по отдельным общественно значимым вопросам. Уточняется, что гражданские беспорядки могут выражаться и в форме ненасильственных протестных действий (таких как – политические выступления, символические акции, массовые демонстрации, забастовки), и в виде политически мотивированных насильственных нападений (в том числе – терактов, убийств, преступлений с использованием оружия и взрывных устройств). Признавая, что спровоцировать гражданские беспорядки могут самые разные события, задачи настоящего исследования авторы ограничивают рассмотрением социальных последствий таких стихийных бедствий, как наводнения и ураганы. В статье отмечается, что в период с 2000 по 2006 гг. на них пришлось более 60% всех стихийных бедствий – 1,885 катастроф, уничтоживших свыше 57 000 человек [с. 311]. Предупреждая, что «во многих регионах изменение климата приведет к увеличению риска наводнений и ураганов», авторы отстаивают тезис о том, что изменение климата усугубляет существующие конфликты и создает новые

угрозы безопасности. В их числе: угроза благополучию наиболее уязвимых общин, угроза экономическому развитию, угроза дефицита жизненно важных природных ресурсов – пресной воды, продовольствия, энергии.

Отмечается, что к теоретическому осмыслению социально-политического измерения стихийных бедствий сторонники бихевиорального подхода обратились уже в первые десятилетия после Второй мировой войны¹. Однако эмпирические исследования взаимосвязи между природными катастрофами и гражданскими беспорядками не проводились вплоть до середины 1990-х гг., когда это направление было только обозначено работами Ричарда Стюарта Олсона, Купера Друри² и Чарльза Фритца³. Полноценные обобщающие научные работы, построенные на обширном эмпирическом материале, появились относительно недавно. Авторы ссылаются, в первую очередь, на исследования Даун Бранкати⁴, Филипа Нела⁵ и Марии Омеличевой⁶.

Питер Нардулли, Бадди Пэйтон и Джозеф Баджали приводят описание специфики двух основных подходов к оценке социальных последствий

¹ См. в частности: Fritz Ch.E., Mathewson J.H. Convergence behavior in disasters: A problem in social control. – Washington, DC: National academy of sciences, 1957; Fritz Ch.E. An inventory of field studies on human behavior in disasters. – Washington, DC: National academy of sciences, National research council, 1959; Fritz Ch.E. 1961. Disasters // Contemporary social problems: An introduction to the sociology of deviant behavior and social disorganization / Ed. by R.K. Merton and R.A. Nisbet. – N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1961. – P. 651–694; Quarantelli E.L., Dynes R.R. Community conflict: Its absence and its presence in natural disasters // Mass emergencies – 1976. – N 1. – P. 139–152.

² Drury A.C., Olson R.S. Disasters and political unrest: An empirical investigation // J. of contingencies a. crisis management. – 1998. – N 6: –P. 153–161.

³ Fritz Ch.E. Disasters and mental health: Therapeutic principles drawn from disaster studies // Historical a. comparative disaster series. – Univ. of Delaware Disaster Research Center, Newark, DE, 1996. – N 10.

⁴ Brancati D. Political aftershocks: The impact of earthquakes on intrastate conflict // J. of conflict resolution. – 2007. – Vol. 51, N 5. – P. 715–743.

⁵ Nel Ph., Righarts M. Natural disasters and the risk of violent civil conflict // Int. studies quarterly. – 2008. – Vol. 51, N 1. – P. 159–184.

⁶ Omelicheva M. Natural disasters: Triggers of political instability // Int. interactions. – 2011. – Vol. 37, N 4. – P. 441–465.

природных катаклизмов – конфликтного и кооперационного – которые ряд экспертов полагают взаимоисключающими.

Внимание исследователя, работающего в рамках конфликтной парадигмы, сосредотачивается на негативных социально-политических последствиях природных катастроф. Внезапные стихийные бедствия наносят урон общественной инфраструктуре, промышленным предприятиям, жилищному комплексу, сельскому хозяйству и т.п. Многократно усиливается конкуренция за становящиеся все более дефицитными ресурсы, что, в конечном итоге, может привести к гражданскому конфликту. Запросы, исходящие от переживших стихийное бедствие, зачастую превышают возможности имеющихся общественных институтов. Сочетание страха, неопределенности, дефицита управляемости и нехватки ресурсов становится катализатором различных форм асоциального поведения. С точки зрения приверженцев конфликтной парадигмы, в условиях ослабления социального контроля и утраты легитимности традиционных механизмов урегулирования споров возрастает вероятность возникновения новых или повышается интенсивность уже идущих вооруженных конфликтов.

В рамках кооперационной парадигмы подчеркивается интегративная роль стихийных бедствий. Предполагается, что разделяемый опыт лишений и преодоления последствий разгула стихии формирует некое «сообщество жертв». Данное сообщество вдохновляется идеей оказания помощи первым пострадавшим от стихийного бедствия, и чувства, возникшие в процессе оказания этой помощи, возвращают веру в т.н. врожденную доброту человечества, умножая случаи спонтанного проявления заботы и внимания в отношении других. Таким образом, общественная солидарность возрастает, а провоцирующие конфликт страх и тревожность подавляются [с. 313–314].

Анализируя динамику «раскручивания» гражданских беспорядков и влияние стихийных бедствий на эмоциональные и поведенческие реакции индивидов и групп, авторы приходят к выводу, что кооперационный и

конфликтный подходы не являются взаимоисключающими. Питер Нардулли и др. ставят перед собой задачу: проследить превращение гнева и разочарования, охватывающих жертв природных катаклизмов, в факторы социальной дестабилизации. Отмечается, что угроза базовым человеческим потребностям является необходимыми, но не достаточным условием перехода к насилию. Многое зависит от того, как ее негативное влияние будет опосредовано сложным комплексом социетальных механизмов поддержания общественных благополучия и порядка [с. 315].

Авторами выдвигается три исследовательских гипотезы.

Первая гипотеза заключается в предположении, что «не происходит никакого возрастания интенсивности гражданских беспорядков в стране, после случившейся на ее территории природной катастрофы».

Поскольку и конфликтный, и кооперационный подходы предполагают, что последствия стихийных бедствий наиболее ощутимы на той территории, где и произошла катастрофа, выдвигается гипотеза номер два: «не происходит никакого возрастания интенсивности гражданских беспорядков в районах, примыкающих к месту стихийного бедствия».

С учетом зависимости групповой мобилизации от характера лидерства и типа взаимодействия участников сообщества, авторы выдвигают третью гипотезу: «степень интенсивности гражданских беспорядков, следующих за природной катастрофой, усиливается при наличии в социальном пространстве активистов аффилированных с четко идентифицируемой группой пострадавших или состоящих в неких организованных сообществах».

Гипотезы проверялись с использованием Протокола общественной стабильности (Societal Stability Protocol или SSP) созданного в рамках проекта «База данных социальных, политических и экономических событий» (Social, Political, and Economic Event Database или SPEED) Института изучения демократии при Университете штата Иллинойс в Урбана-Шампейн и покрывающего события, связанные с общественными волнениями во всем мире

после Второй мировой войны. В исследовании рассматривались только те катастрофы, которые произошли в период с 1 июля 1981 г. по 1 июля 2004 г.; где погибли не менее 100 человек или пострадали не менее 10 000 человек [с. 317–330].

В итоге авторы пришли к следующим выводам.

В первые месяцы после стихийного бедствия уровень гражданских беспорядков в стране, где произошла катастрофа, всегда будет выше среднего.

На территории в радиусе 500 км от места бедствия интенсивность политического насилия превышает прежние базовые показатели, при этом разница в уровне гражданских беспорядков до и после катастрофы по стране в целом зачастую оказывается еще более значительной.

В результате стихийных бедствий интенсивность насилия, инициируемого лицами, состоящими в организованных группах, увеличивается.

Обычно уровень политического насилия достигает своего пика к исходу первого месяца после катастрофы, а ее дестабилизирующие последствия начинают утрачивать влияние по прошествии трех месяцев. Таким образом, гражданским беспорядкам требуется некоторое время для «созревания», однако, как только они начнутся, добиться их резкого прекращения будет крайне затруднительно.

В заключении авторы подчеркивают практическую значимость результатов своего исследования в деятельности различного рода агентств по оказанию помощи пострадавшим от природных катаклизмов. Отмечается, что долгосрочные стратегии по устранению негативных последствий антропогенного воздействия катастроф должны включать в себя меры обеспечения правового порядка при ограничении использования насилия со стороны государства.

Ю.С. Харитоник

БЕСТ Ж. БЕЗОПАСНОСТЬ, ЭКОНОМИКА, НАСЕЛЕНИЕ: ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЛОГИКА ЛИБЕРАЛЬНОГО ЭКСЕПЦИОНАЛИЗМА¹.

BEST J. Security, economy, population: The political economic logic of liberal exceptionism // Security dialogue. – 2017. – Vol. 48. – N 5. – С. 375–392.

Ключевые слова: критические исследования безопасности; эксепционализм; глобальный финансовый кризис; международная политическая экономика; секьюритизация.

Акцентируя внимание на подъёме правых настроений в обществах США и Европы, профессор Жаклин Бест (школа политических наук Оттавского университета, Канада), подчеркивает высокий эвристический потенциал категории «эксепционализм»², к которой после атак 11 сентября 2001 г. исследователи стали относиться весьма скептически. По мнению автора, эта категория представляет собой необходимое звено, позволяющее соединить критические исследования безопасности с культурологическими исследованиями политической экономики. Поэтому, вместо того чтобы отказываться от данного понятия, необходимо пересмотреть подход к его изучению [с. 377].

Еще до начала «ренессанса правых», отмечает Ж. Бест, актуализации категории эксепционализма способствовал глобальный финансовый кризис

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2018. – № 2. – С. 72–77.

² В настоящем реферате используется транслитерация английского слова exceptionism (исключительность). Изначально (конец 20-х годов XX в.) семантическое ядро данного термина составляло понятие отличия: словарные определения не содержали элементов, указывающих на непогрешимость или богоизбранность. На рубеже веков в американском обществознании термин концептуализировался, получив такое языковое наполнение, значение которого можно определить, как утверждение превосходства США в мире. Ж. Бест в своей статье возвращается к первоначальной трактовке эксепционализма, рассматривая его преимущественно как теорию «правых» о национальном своеобразии. – *Прим. реф.*

2008-го года. В Великобритании, Канаде, Франции и США правящие круги объявили предпринятые ими чрезвычайные действия по вмешательству в экономику ответом на нависшую угрозу краха системы, переводя тем самым свою реакцию из плоскости политического выбора в пространство экономической необходимости. Объявив о финансовой уязвимости, политические лидеры активировали режим чрезвычайного положения на постоянной основе. Таким образом, прослеживается перенос эксепционализма из политической в политико-экономическую область [с. 376].

Как утверждает Ж. Бест, ссылаясь на Б. Бузана¹, категория исключительности используется либеральными демократиями как рычаг управления населением и инструмент преодоления противодействия. Апеллируя к лекциям М. Фуко, автор заявляет, что политико-экономический эксепционализм помогает удерживать баланс между рыночной экономикой и необходимой политической стабильностью, защищая простых граждан от разрушительной радикально-либеральной экономики [с. 376].

Для раскрытия потенциала эксепционализма во взаимоотношениях современных государства и общества Ж. Бест предлагает обратить внимание на область пересечения критических исследований безопасности и культурологических исследований политической экономии.

Специалисты по вопросам национальной безопасности подчеркивают конструктивную роль определенных, создающихся напряжением между внутренней и внешней средой, критических лимитов. Особый интерес представляют те из них, что отделяют периоды *нормальной* политики мирного времени от *исключительной* политики военного времени. В мирное время государства могут создавать условия для процветания населения и защиты его прав и свобод. Однако вероятность возникновения войны подрывает либерально-демократический тип правления, заставляя властные элиты прибегать к практикам эксепционализма, ограничивающим права и свободы

¹ Buzan B, Wæver O and De Wilde J. Security: A new framework for analysis. – Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998.

граждан. По мнению представителей Копенгагенской школы, власть предержавшие могут воспользоваться создавшейся ситуацией с тем, чтобы увеличить свои полномочия посредством артикуляции какой-либо угрозы или же ее преувеличения. В этом они Б. Бузан, О. Вейвер и проч. видят конструктивистскую природу секьюритизации и, следовательно, эксепционализма¹ [с. 378–379].

Соглашаясь с Дж. Агамбеном², автор признает, что политика эксепционализма стала нормой в современном мире: доказательством тому служат лагеря беженцев, зоны безопасности в аэропортах, секретные тюрьмы для подозреваемых в террористической деятельности. И несмотря на то, что подобная политика, на первый взгляд, кажется достаточно плодотворной, не стоит сбрасывать со счетов заложенные в ней риски. Грань между нормой и исключением становится все тоньше. Открываются широкие возможности в области манипуляции общественным мнением. В частности, когда отдельные практики эксепционализма осуждаются, как например в случае международного скандала с тюрьмой в Гуантаномо, элиты предпочитают свести общественное недовольство к критике механизмов осуществления этих практик (признать недостаточность административного надзора и т.п.), но не допустить отказа от последних [с. 379].

Начиная с XIX века можно увидеть немало примеров применения политики эксепционализма в экономической сфере: изначально – Соединенным Королевством, затем США и другими странами Запада, а в 1990-х годах – странами переходной экономики. Эта динамика объясняется тем, что при

¹ Теория секьюритизации (securitization theory), предложенная Копенгагенской школой (Б. Бузан, О. Вейвер, Дж. Вильде и др.), предполагает, что в международных отношениях проблема приобретает характер угрозы и становится объектом неотложной политики посредством провозглашения её таковой влиятельным актором, который тем самым получает общественную легитимизацию предпринимаемых им чрезвычайных мер по ее устранению. – *Прим. реф.*

² Agamben G. Homo Sacer: Sovereign power and bare life. – Stanford, CA: Stanford univ. press, 1998.

переходе от авторитаризма к демократии и отказе от логики меркантилизма, государство сталкивается с целым спектром проблем, обусловленных необходимостью интегрироваться в систему мирового хозяйства. С этого момента правящие круги оказываются ответственны за разработку стратегий обеспечения благосостояния людей, а также свободного оборота товаров и капитала. Таким образом, устанавливается тесная взаимосвязь понятий «политическая экономия» и «безопасность» [с. 380–381].

Обозначенная тенденция сохраняется и на настоящий момент, так как здоровье и благосостояние населения зависят от экономического развития. Многолетняя история либеральной экономики показала, что, несмотря на определенные преимущества, такого рода модели хозяйствования присущи значительные риски. Войны перестали быть основной угрозой существованию государства: массивные обвалы на мировом рынке сильно подрывают позиции стран, приводя к политической нестабильности. Это обстоятельство, в числе прочих, спровоцировало волну увлеченности правыми идеями, что нашло отражение в результатах выборов, недавно прошедших в странах Запада. Соответственно, для стран либеральной демократии избирательное применение политики эксепционализма может стать еще одним инструментом поддержания политической и экономической стабильности [с. 382].

Вместе с тем, подчеркивает Ж. Бест, что понятия «безопасность» и «экономический эксепционализм» не сводимы друг к другу. Различия между ними проходят по трем основным параметрам.

В парадигме национальной безопасности исключительные меры принимаются перед лицом войны. Согласно доктрине экономического эксепционализма, такие же меры принимаются перед лицом экономического кризиса, так как в условиях либерального рынка последний воплощает собой не меньшую угрозу.

При секьюритизации происходит изъятие власти у избранных населением лиц и концентрация её в руках ограниченного круга *политической*

элиты. В свою очередь, действие механизма экономического эксепционализма наделяет властью *экономическую* элиту (например, крупных банкиров), которая принимает политические решения.

Различия в практиках ограничения прав граждан проявляются в том, что при секьюритизации правящая элита стремится сдержать или запретить, в то время как при эксепционализме – поставить под контроль перемещение людей, товаров и услуг [с. 383].

В качестве примера применения доктрины экономической исключительности автор приводит стратегию США по преодолению глобального финансового кризиса 2008 г. В сентябре 2008 г. после краха инвестиционного банка *Lehman Brothers* федеральное правительство запросило у Конгресса беспрецедентное расширение полномочий исполнительной власти для более широкого вмешательства в национальную экономику с целью предотвращения падения других финансовых организаций, оказавшихся под ударом. Атмосфера нагнеталась громкими высказываниями крупных политиков и предпринимателей, создававшими у населения ощущение, что все происходящее несет глобальную угрозу США и всей мировой экономике, и заставлявшими поверить в необходимость применения мер экономического эксепционализма. [384] При этом, в проводимой политике присутствовали элементы субъективного произвола властной элиты, решавшей, какие компании достойны поддержки, а какие – нет. Большинство политических решений исходило от министра финансов США и представителей Федерального резервного фонда [с. 385].

Вместе с тем, подчеркивает Ж. Бест, в условиях либерально-демократического правления свобода рынка, являющаяся одним из основных политических инструментов, служит мощным ограничением государственного вмешательства. Таким образом, создается почва для формирования огромного количества бюрократических структур, отслеживающих действия друг друга. Это обуславливает сложность введения политики эксепционализма [с. 386].

Комплексное понимание эксепционализма, как попытки управления населением, заключает автор, может способствовать выработке более эффективных политических решений. В сегодняшнем кризисе она видит проекцию событий 1970-х годов, когда на смену либерализму пришел неолиберализм, привнесший с собой радикальную либерализацию в финансовом секторе. Именно эта политика ограничивала возможности аппарата безопасности, способного противостоять негативным факторам свободного рынка, что, в конечном итоге, стало причиной финансового коллапса 2008 г. Закономерным социальным последствием этого кризиса стало резкое поправение населения, чего с успехом можно было бы избежать, сумей политическая элита своевременно и разумно использовать политику эксепционализма [с. 387].

К.А. Никифорова

НАРРАТИВЫ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ МИРОПОРЯДКА В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ (Сводный реферат)¹.

1. КРАУТХАММЕР Ч. ОДНОПОЛЯРНЫЙ МОМЕНТ.
KRAUTHAMMER Ch. The unipolar moment // Foreign affairs. – N.Y., 1990–1991. – Vol. 70, N 1. – P. 23–33.
2. КРАУТХАММЕР Ч. ПЕРЕСМОТРЕННЫЙ ОДНОПОЛЯРНЫЙ МОМЕНТ.
KRAUTHAMMER Ch. The unipolar moment revisited // National interest. – Wash., winter 2002–2003. – Iss. 70. – P. 5–17.
3. ФЛОКХАРТ Т. ГРЯДУЩИЙ МНОГОПОРЯДКОВЫЙ МИР.
FLOCKHART T. The coming multi-order world // Contemporary security policy. – Maastricht, 2016. – Vol. 37, N 1. – P. 3–30.

Ключевые слова: мировой порядок; однополярный мир; система международных отношений; нарратив; унилатерализм; мульти-партнерское

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2018. – № 2. – С. 61–71.

будущее; международное общество; социальный порядок; социальные практики.

Анализируя специфические особенности взаимодействия государств на международной арене после окончания холодной войны, Чарльз Краутхаммер (политический обозреватель, лауреат Пулитцеровской премии, США) и Трин Флокхарт (Университет Кента, Великобритания) предлагают собственное понимание международного общества и международной системы в условиях нового миропорядка.

В 1991 г. Ч. Краутхаммер публикует статью «Однополярный момент». Автор отвергает доминировавшие в американской научной и общественной мысли предположения о наступлении многополярного мира как ошибочные и считает, что на самом деле мир вступил в период однополярности. В числе оснований для американского превосходства исследователь отмечает «военный, дипломатический, политический и экономический активы», опираясь на которые, Соединенные Штаты приобретают право решающего голоса «в любой точке мира, куда предпочтут вмешаться» [с. 24]. Также исследователь жестко критикует Организацию Объединенных Наций, которая, на его взгляд, превратилась в не более чем ничего не гарантирующее следствие, тогда как причиной являются США [с. 25].

Однако сам Ч. Краутхаммер называет этот период «моментом» (unipolar moment) и утверждает, что его сменит многополярность с выдвиганием на международной арене стран, сопоставимых по своей мощи с США, а «мир по своей структуре будет напоминать эпоху до Первой Мировой войны» [с. 23–24]. Согласно авторскому предположению, переход к многополярности состоится спустя одно десятилетие – что «более вероятно, чем спустя три или четыре» десятилетия [с. 26].

Одновременно Ч. Краутхаммер ставит вопрос о причинах прогнозируемого им превращения США в «державу второго уровня». Прежде всего, к этому приведет дисбаланс между геополитическими устремлениями

США и ресурсами страны, в первую очередь, экономическими [с. 26–27]. Кроме того, автор отмечает ренессанс изоляционистских настроений в США. Ч. Краутхаммер предлагает классифицировать изоляционистов на радикальных (*extreme isolationists*), которые понимают под национальными интересами США физическую безопасность государства, и сдержанных (*elusive isolationists*), которые вовсе уклоняются от определения национальных интересов [с. 28]. Несмотря на это, по мнению исследователя, если США действительно заинтересованы в стабильности, им придется самостоятельно создать соответствующий мировой порядок – по аналогии с усилиями, предпринятыми Великобританией в рамках политики сохранения баланса сил в XIX в. [с. 29].

Одним из ключевых кейсов статьи является война в Персидском заливе. Автор полагает, что именно события 1990–1991 гг. отчетливо представили промышленно развитые страны Запада во главе с США в качестве единственного полюса мировой силы. Более того, «Война в Заливе» показала, что «с окончанием трех великих гражданских войн Севера в XX в. (Первая мировая, Вторая мировая и холодная) идеологически умиротворенные страны Севера ищут безопасности и порядка путем постановки своей внешней политики в фарватер американской». Наконец, операция, проведенная против Ирака, четко продемонстрировала псевдомультилатерализм проамериканской коалиции [с. 25].

В связи с событиями начала 1990-х годов Ч. Краутхаммер вводит понятие «оружейного государства» (*Weapon State*). Им присущи следующие характеристики. Во-первых, это государства, границы которых оспариваются, а внутривнутриполитическая обстановка не является стабильной. Во-вторых, в силу того, что национальное богатство пополняется за счет подконтрольной властям торговли энергоресурсами, государственный аппарат таких стран «чрезвычайно развит и полностью доминирует над гражданским обществом». В-третьих, «оружейные государства» испытывают глубокое недовольство прозападным миропорядком, рассматривая последний в качестве пережитка колониализма и

стремясь его подорвать. К ним автор относит Ирак, Северную Корею и Ливию, а среди государств, потенциально близких к «оружейным», называет Аргентину, Пакистан, Иран, ЮАР [с. 30–31]. Подъем такого рода «маленьких агрессивных государств, стремящихся к обладанию оружием массового поражения», влечет за собой нарастание военной угрозы [с. 23].

Итак, Ч. Краутхаммер выделяет три аспекта мирового порядка, который формировался в 1990-е годы: его однополярный характер, возрождение американского изоляционизма и распространение оружия массового поражения. Последнее видится автору более существенной угрозой, нежели крах коммунистической системы, радикальное сокращение разрыва между региональными державами и великими державами или даже возрождение на посткоммунистическом пространстве агрессивно националистической силы («веймарской» России), по причине того, что оружие массового поражения может попасть в распоряжение «оружейных государств». Исследователь предлагает следующие «рецепты» по преодолению этой угрозы. Для начала, выработка режима, аналогичного Координационному комитету по многостороннему экспортному контролю (КОКОМ). Затем, постройка тех государств, которые в обход режима, смогли получить доступ к оружию массового поражения, под внешний контроль с дальнейшей возможностью их принудительного разоружения. Последним шагом станет развитие систем противоракетной и противовоздушной обороны для защиты стран Запада от «оружейных государств» [с. 32].

Подводя итог, Ч. Краутхаммер утверждает, что альтернативой однополярности станет не стабильный многополярный мир, похожий на миропорядок «мудрых держав» XVIII века, а хаос [с. 32]. В этом контексте роль США заключается в единоличном установлении правил будущего многополярного мира и обеспечении плавного перехода к нему всех стран.

По прошествии двенадцати лет, в 2003 г., в статье под названием «Пересмотренный однополярный момент» Ч. Краутхаммер предлагает

читателям обновленное видение современного миропорядка. Автор склонен оценивать как верные два из трех своих ранее сделанных предположений относительно ключевых элементов этого миропорядка – а именно, однополярного характера и подъема государств-изгоев (дословно государств-негодяев, *rogue states* – термин, которым Ч. Краутхаммер заменяет понятие «оружейных государств»). При этом, в США вместо возрождения духа изоляционизма периода после Первой Мировой войны (*withdrawal*) и соответствующих концепций ухода с международной арены наблюдается ренессанс идей вовлечения (*engagement*), схожий с периодом после Второй Мировой войны. На этом фоне американское доминирование лишь возросло [с. 6].

Автор дополняет и пересматривает предложенный ранее спектр оснований американского превосходства, выделяя военный, экономический, технологический, дипломатический, культурный, лингвистический параметры. Вместе с тем, Ч. Краутхаммер отмечает, что если в 1990-е годы только Китай и Россия «отрицали однополярность в специальных совместных коммюнике», то с началом XXI века «это у всех на устах» [с. 7].

Важнейшим из разбираемых в статье кейсов являются террористические атаки 11 сентября 2001 г., которые, с точки зрения исследователя, лишь подчеркнули асимметрию мощи между США и другими державами, такими как Россия и Китай. Во-первых, они спровоцировали США на демонстрацию качественного скачка в развитии американской военной мощи. Во-вторых, теракты пробудили новую форму силы США – способность к восстановлению (*resuperative powers*), что трансформировало саму суть американского чувства неуязвимости: представление о собственной недостижимости/непроницаемости (*impermeability*) для ударов извне сменилось уверенностью в своей способности сохранить устойчивость (*resilience*) под этими ударами. В-третьих, результатом трагических событий 11 сентября 2001 г. стало объединение великих держав

вокруг США: Россия и Китай ранее «заигрывавшие с идеей “антигегемонистского союза”» также поддержали США [с. 7–8].

Развивая последний тезис, Ч. Краутхаммер подчеркивает: «Присоединение нейтралов дополнительно акцентирует историческую беспрецедентность американской однополярности». На протяжении всей предыдущей истории человечества в противовес усиливавшемуся государству всегда возникала противодействующая коалиция. Теперь же, «напротив, великие державы выстроились в линию вслед за Соединенными Штатами» [с. 8].

Несмотря на кажущееся единодушие, реализация новых американских доктрин предопределила кризис однополярности. Первая из этих доктрин – «ультиматум с нами или против нас» (the with-us-or-against-us ultimatum) – уполномочивает США повсеместно применять силу под предлогом борьбы с терроризмом. Другая доктрина – упреждающая атака (pre-emptive attack) – нарушает традиционные доктрины справедливой войны. Еще одна доктрина – смена режима (regime change) – угрожает международной практике, существующей уже 350 лет по итогам Вестфальского мира. Итак, в совокупности означенные три доктрины привели к «беспрецедентной свободе действий США и решительному утверждению нового американского унилатерализма» и, в то же время, вызвали кризис однополярности [с. 9–10].

В этом контексте центральным становится вопрос о том, что определяет цели гегемона. В годы войны в Персидском заливе, из-за боязни расколоть коалицию лоббированием дальнейшего вторжения, «коалиция определяла миссию», что хрестоматийно для мультилатерализма. В наши дни, полагает Ч. Краутхаммер, миссия должна определять коалицию, а это, в свою очередь, определяет новый унилатерализм США [с. 10].

Далее автор предлагает проанализировать критику, обрушивающуюся на неоунилатеральные действия США в рамках однополярного миропорядка. Первыми противниками нового унилатерализма – и, соответственно,

сторонниками мультилатерализма как средства в рамках однополярной модели миропорядка – выступают либеральные интернационалисты, считающие, что «действия президента должны быть санкционированы предварительным одобрением Совета Безопасности ООН», который представляет собой «в тех редких случаях, когда действительно функционирует, *realpolitik* комитета». Со своей стороны, Ч. Краутхаммер не разделяет страх либеральных интернационалистов перед международной изоляцией и выступает против их идей, так как «мультилатералистский проект направлен на создание посредством текущего американского доминирования новой международной системы, где место США займут нормы легализма и взаимозависимости – короче говоря, системы, которая уже не будет однополярной» [с. 11–13]. В качестве следующих оппонентов неоунилатерализма автор называет изоляционистов, которые, по его мнению, ошибочно отождествляют новый унилатерализм, использующий американскую силу ради глобальных целей, с изоляционизмом, использующим ее сугубо ради целей США. Ч. Краутхаммер поясняет: «по определению нового унилатерализма американские интересы шире, чем простая самооборона» – это и «расширение мира за счет продвижения демократии», и «сохранение мира через роль балансира “последней надежды”» [с. 13–15]. В завершение, исследователь освещает позицию прагматических реалистов, стремящихся к «концерту великих держав» и ищущих поддержку Совета Безопасности ООН для минимизации и оптимизации рисков, следовательно, критикующих неоунилатерализм как излишне затратный и подвергающий США ненужным рискам. Ч. Краутхаммер считает, что подобная позиция в конечном итоге «подорывает будущую свободу действий США и тем самым противоречит целям самих прагматических реалистов» [с. 15–17]. Подытоживая, автор утверждает, что «унилатерализм есть прямая дорога к мультилатерализму», и он «не подразумевает стремление действовать в одиночку» – наоборот, держава «действует в концерте с другими, если это возможно» [с. 17].

Итогом новой статьи Ч. Краутхаммера становится опровержение выдвинутого в 1991 г. предположения, что «однополярность может продлиться тридцать или сорок лет». Спустя двенадцать лет автор приходит к выводу: «однополярный момент стал однополярной эрой», чья продолжительность «будет преимущественно зависеть от того, будут ли сами американцы ее приветствовать или рассматривать как бремя, от которого необходимо избавиться». Ч. Краутхаммер убежден, что вызов однополярности исходит не из внешней среды, а из самих США [с. 17].

Т. Флокхарт, статья которой соответствует традициям школы британского институционализма, выступает с иных методологических позиций. Автор апеллирует к концепту международного общества (*international society*) – равно как и к концептам порядка, институтов, международной системы (*international system*), – предложенным Хедли Буллом (Австралийский национальный университет, Австралия; Лондонская школа экономики и политических наук, Оксфордский университет, Великобритания)¹. Применяя методологию британских институционалистов, Т. Флокхарт предлагает следующее видение современного состояния международных отношений: складывается многопорядковая система (*multi-order system*), состоящая из нескольких отличных друг от друга порядков (или международных обществ), характеризующихся разнообразием силы, принципов и институтов [с. 3–5].

В начале статьи автор анализирует ныне исследуемые в научном сообществе нарративы формирующегося миропорядка. Первым из них выступает нарратив многополярного будущего (*multipolar future*), в основе которого лежит постулат Ч. Краутхаммера, выдвинутый в статье 1990-го года, о том, что с возвышением новых держав, однополярный момент сменится глобальной многополярностью, где решающее значение приобретут американо-китайские отношения. Т. Флокхарт обращает внимание на раскол внутри

¹ Bull H. *The anarchical society: A study of order in world politics*. – Houndmills, UK: Macmillan, 1977.

группы приверженцев этого нарратива, обусловленный несовпадением взглядов на будущую роль Америки. В то время как одни заявляют, что США, опираясь на нынешних союзников, должны стать противовесом возвышающимся региональным державам (России и Китаю); другие говорят о необходимости следовать концепции офшорного балансирования, используя свое географическое положение и ресурсную самодостаточность. Однако обе группы исследователей развивают один «метанарратив», поскольку видят будущее международных отношений сквозь призму баланса сил и «отрицают, что фундаментальная природа международной политики изменилась существенным образом» [с. 6–8]. Другим нарративом, исследуемым Т. Флокхарт, становится мультипартнерское будущее (multi-partner future), чаще всего ассоциируемое с либеральным интернационализмом. Его адепты разделяют взгляды первой группы сторонников многополярного нарратива в той части, что «США не могут отказаться от своей международной ответственности» и должны продолжить «американское лидерство и активное вовлечение». Однако с точки зрения создания противовеса возвышающимся региональным державам, во внешней политике следует руководствоваться принципом поддержания баланса сил и американской гегемонии, тогда как с позиции мультипартнерства – принципом партнерской дипломатии. Наряду с этим, «мультипартнерский нарратив подчеркивает значимость институтов, правил и мультилатерализма» для поддержания международного порядка; «кризис либерального порядка не означает кризиса либерального институционализма» и лишь предполагает реформирование руководящего принципа: будущее за партнерством, мягкой силой и преобразованием старых институтов [с. 8–9]. Последний нарратив, выделенный Т. Флокхарт, – мультикультурное будущее (multi-cultural future) акцентирует наличие культурно-специфических идентичностей, обуславливающих «различные взгляды на политическую легитимность, природу суверенитета, правила международной торговли и отношения между государством и обществом». Его

сторонники утверждают, что «либеральный порядок – это культурно-специфический конструкт, а не просто способ организации мира», и таким образом отвергают лидерство Запада, продвигаемое мультипартнерским нарративом [с. 9–11].

Вслед за обзором существующих нарративов, Т. Флокхарт обращается к сопоставлению международного порядка и международного общества. Исследователь приводит определение миропорядка, данное Х. Буллом, – «это особый вид социальной модели человеческой деятельности, направленный на облегчение достижения трех фундаментальных и всеобщих целей социальной жизни, связанных с существованием, правдой и собственностью», которые рассматриваются в духе общего интереса. Для достижения порядка в международной политике, согласно Х. Буллу, требуются минимальная защищенность от насилия (*security against violence*), признание обещаний (*sanctity of promises*) и прав собственности (*the possession of property*). Сам порядок производится и поддерживается посредством первичных институтов (баланс сил, международное право, дипломатия, война, великие державы) и вторичных институтов (разделяемые практики, международные организации и режимы). Порядок существует на трех уровнях – международной системы, международного общества и мирового общества (*world society*). Приводя определения различных авторов британской школы, Т. Флокхарт следующим образом разграничивает международную систему и международное общество: система возникает при взаимодействии двух или более государств, оказывающих влияние на решения друг друга; общество характеризуется подчинением ряда государств единому набору правил, которыми они руководствуются при работе в общих институтах. При этом, вслед за Х. Буллом, автор считает понятия порядка и международного общества взаимозаменяемыми и придерживается мнения, что порядок с большей вероятностью производится на уровне международного общества [с. 12–13].

Далее Т. Флокхарт предлагает собственное определение международного общества/порядка – кластер или клуб суверенных государств или наций, разделяющих ценности, нормы и интересы, выраженные через ряд первичных и вторичных институтов. Идеализированный тип международного общества/порядка, на ее взгляд, состоит из четырех компонентов: силы (материальных возможностей и ресурсов, возможно, но необязательно предоставляемых ведущим государством); идентичности (ключевые ценности и видение, выраженные через разделяемые нормы и социальные практики); первичных институтов (ряд длительных и признанных паттернов разделяемых практик, укорененных в ценностях и воплощенных в нормах, правилах и принципах); вторичных институтов (институциональная архитектура, отражающая уровень конституционализации). Исследователь отмечает, что из-за взаимосвязанности всех компонентов трансформация одного из них может повлечь изменения в остальных. В порядке критики приведенных выше нарративов Т. Флокхарт утверждает, что все они фокусируются на анализе изменений в рамках единственного – либерального – международного порядка, существовавшего на протяжении последних двух столетий; тогда как в настоящее время наблюдаются попытки создать альтернативные порядки: китайский, евразийский и халифат (ДАИШ¹) [с.14–16].

Следующий вопрос, которым задается автор, затрагивает взаимоотношения между системой и обществом. Помимо ранее проведенного разграничения – согласно которому система относится к взаимодействию государств, а общество также предполагает общие интересы, ценности, правила и институты – Т. Флокхарт предлагает два других способа дифференциации. Во-первых, международная система глобальна по своему охвату и включает все государства, тогда как быть частью того или иного международного общества или нет – решает само государство. Во-вторых, международная система остается архаичной, а в международных обществах анархия ограничена

¹ Террористическая организация, запрещенная на территории РФ.

руководящими принципами (особенно в случае либерального порядка). Подытоживая, автор напоминает о недавнем примере сосуществования двух международных порядков в рамках единой системы – в период холодной войны [с. 17–18].

Переходя к анализу международных систем и порядков, Т. Флокхарт выстраивает их по хронологической очередности. По оценкам автора, за двести лет международная система пережила три трансформации, последняя из которых продолжается в настоящее время. С конца XVIII в. существовала многополярная система, международное общество которой (находившееся на стадии институционализации) характеризовалось европейской идентичностью, функционированием первичных и вторичных институтов, системой «европейского концерта». Преобразование международного общества на фоне подъема идей национальной идентичности, приведшего к объединению Италии и Германии, сместило акцент с дипломатического взаимодействия великих держав на баланс сил, что в конечном итоге привело к падению международного общества [с. 19–20]. В первой половине XX в. многополярность сменилась биполярностью, при которой в рамках одной международной системы существовали два международных общества, блока, с противоположными идеологически обусловленными идентичностями. В этот период баланс сил был заменен балансом страха, а вторичные институты развивались преимущественно внутри порядков, но не между ними [с. 20–22]. С крахом возглавляемого Советским Союзом порядка большинство его членов примкнули к порядку, возглавляемому США, что сформировало однополярную систему. Т. Флокхарт убеждена, что в случае опоры на стабильное универсализированное международное общество, однополярная система могла бы существовать довольно долго. Автор рассуждает так: некоторое время она находила поддержку во всеобщем либеральном международном обществе, однако наступление администрации Дж. Буша-младшего на мультилатерализм, вызвало недовольство в остальных государствах – участниках международного

общества. Более того, с возникновением альтернативных международных порядков приоритеты западных государств, принявших власть и институты Запада лишь в целях деколонизации, стали меняться. Подобные процессы стартовали в Турции, Бразилии, Индии, России и ряде других стран и запустили формирование многопорядковой системы [с. 22–23]. Новая система «является “многопорядковой” поскольку основная динамика происходит скорее внутри различных порядков и между ними, нежели между многочисленными суверенными государствами». Отношения в такой системе носят межорганизационный (например, между ЕС и АСЕАН, ЕС и Африканским союзом), транснациональный или наднациональный характер. В отличие от многополярной системы, в которой все государства-полюса разделяли европейскую идентичность, в формирующейся международной системе общая идентичность отсутствует. Кроме того, в многополярной системе все компоненты, кроме силы, были схожи для разных полюсов, тогда как в многопорядковой системе сходства между порядками не наблюдается ни в одном из компонентов. В связи с этим Т. Флокхарт делает вывод о необходимости создать «новые первичные и вторичные институты для управления сложными и смешанными отношениями». При этом, так как сильная региональная идентичность не всегда коррелирует с материальными возможностями и ресурсами региона, роль регионов в поддержании идентичностей будет неуклонно снижаться, а расстояние перестанет быть препятствием для участия в том или ином порядке – это делает идентичность, а не региональную принадлежность, «основным определяющим свойством новых порядков» [с. 23–25].

В заключение автор обращается к вызовам, стоящим перед грядущим многопорядковым миром. Помимо вызовов, обозначенных тремя нарративами, которые Т. Флокхарт рассматривает в начале статьи, многопорядковая система столкнется с вызовами, порожденными увеличившимся количеством акторов в международных отношениях и усложнившимся характером

межгосударственных отношений. Исследователь предлагает следующие ответы на возникающие вызовы. Во-первых, укрепление ядра либерального порядка. Во-вторых, отказ от универсализации либеральных ценностей, признание плюрализма ценностей и «установление новых форм отношений по линиям разлома на более равноправной основе». В-третьих, создание новых первичных и вторичных институтов для упрощения кооперации между акторами многопорядковой системы.

А.В. Скобелева

ПАНКЕ Д. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ.

PANKE D. The institutional design of the United Nations General Assembly. – 2017. – Mode of access: <https://doi.org/10.1177/0047117817690567> // University of Freiburg.

Ключевые слова: Генеральная Ассамблея Объединенных Наций; установление повестки дня; институциональный дизайн; переговоры; суверенное равенство; государства.

Анализируя институциональный дизайн Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (ГА ООН), Диана Панке (Фрайбургский университет, Германия) подчеркивает, что большинство международных организаций основаны на принципе равенства государств. Их институциональный дизайн предоставляет всем государствам-членам одинаковые формальные права. Хотя они формально равны, уровни экономического развития и территориальные размеры сильно различаются от государства к государству. Автор статьи поднимает вопрос о том, уравнивают ли институциональные дизайны международных организаций различия между государствами-членами, и если да, то в какой степени?

Организация Объединенных Наций (ООН) была создана в 1945 г. 51 государством в целях поддержания международного мира, развития и поддержания дружественных отношений между суверенными государствами, содействия социальному и гуманитарному прогрессу и поощрения прав

человека. Согласно Уставу ООН Генеральная Ассамблея является одним из шести основных органов наряду с Советом Безопасности, Экономическим и Социальным Советом, Секретариатом, Советом по Опеке и Международным Судом. ГА ООН выражает принцип взаимного уважения – национальное равенство государств наиболее сильно. ГА ООН является институциональной ареной, в которой государства-члены 193 принимают решения по резолюциям. Все государства имеют равные права в отношении участия в этапах разработки, согласования и принятия решений в рамках деятельности ГА ООН [с. 3].

Автор указывает на то, что институциональная установка ГА ООН выражает принцип равенства членов, в котором каждое государство имеет те же права и обязанности, включающие:

- установление повестки дня переговоров (проекты резолюций);
- участие в переговорах в комитетах ГА ООН и Генеральной Ассамблее;
- голосование по окончательной версии резолюции.

Автор отметил, что с другой стороны, все 193 государства-члена ООН различны по экономической мощи и размерам. Соединенные Штаты, Китай, Индия, Россия и Мексика в несколько раз превосходят в экономическом, демографическом и военном отношении такие страны, как например, как Центральноафриканская Республика, Микронезия, Самоа, Малави, Кирибати, или Тувалу.

Автор привел два совершенно различных мнения о способности институционального дизайна ГА ООН смягчать различия в мощности и размерах между 193 государствами-членами. Один дипломат из небольшого государства пришел к положительной оценке в отношении возможностей институционального проектирования, заявив: «Конечно, у больших государств больше ресурсов, у них больше людей, чтобы охватить эту проблему, у них больше исследователей и всего. Но красота ООН [...] – у нас все еще есть “одна страна - один голос”. Таким образом, в конце дня наш голос весит столько же, сколько и другие». Посланец же другого небольшого государства был менее

оптимистичным: «Если вы США, у вас есть отличный шанс повлиять на резолюцию» [с. 2].

Государства, располагающие большими финансовыми ресурсами, могут использовать более крупные бюджеты для работы экспертов в своей стране, а также могут создавать и поддерживать более крупные дипломатические миссии в Нью-Йорке. Как следствие, такие государства могут быть в лучшем положении, чтобы влиять на международные переговоры. Также они могут использовать свои финансовые средства в качестве рычагов переговоров (побочные платежи, помощь для обмена голосами и т. д.). Данные факторы могут работать против формального выравнивающего эффекта институциональной системы ГА ООН.

В международных организациях с сильными формальными правилами выравнивания, таких как ГА ООН, каждое государство имеет одинаковые формальные права на каждом этапе политического цикла. Тем не менее, равные права не приводят к равному использованию этих прав государствами-членами и не приводят к результатам переговоров, которые в равной степени отражают позицию каждого государства.

В первую очередь, если только самые крупные и самые сильные государства могут реализовать свои права или если они смогут использовать свою силу и возможности для повышения эффективности, динамика переговоров и результаты, скорее всего, будут иметь большие признаки влияния со стороны могущественных государств.

Автор данной статьи проводит различие между активным и эффективным участием стран на всех этапах политического цикла международной организации. Государство принимает активное участие, если использует свои официальные права, озвучивая позицию на этапе переговоров или нажимая соответствующую кнопку на этапе принятия решения. Активное участие является предварительным условием для эффективного участия (влияния), но активное действие автоматически не превращается в эффективное.

Эффективное же участие подразумевает достижение государством своей цели, а также оказание влияния на динамику и/или результаты политического процесса.

Что касается первого этапа рабочего цикла в ГА ООН, как и в других международных организациях, официальные переговоры по содержанию резолюции начинаются после того, как устанавливается повестка дня. Д. Панке отмечает, что хотя все 193 государства-члена имеют одинаковые формальные права в отношении инициирования политики, существуют различия в отношении активного участия государств на данном этапе. К примеру, Кирибати, Сан-Томе и Принсипи, Тувалу и Вануату участвовали в стадии определения повестки дня в среднем менее чем два раза в год. Напротив, Мексика, Китай, Канада, Германия, Франция, Италия, Испания и Великобритания участвовали в среднем более чем десять раз. Эта картина не удивительна. Государства, которые сталкиваются с нехваткой кадров в министерствах на родине, например, в форме бюджетных ограничений, и имеют ограниченное число экспертов, юристов и администраторов, часто либо медленно развивают национальные позиции, либо не могут полностью охватить все резолюции ГА ООН, и в итоге выборочно формулируют национальные позиции. Член небольшой страны с ограниченными ресурсами сообщил: «Конечно, вы пытаетесь получить инструкции ко всему, но есть проблемы, которые не имеют большой важности, поэтому необходимо расставлять приоритеты». Представители некоторых стран, утверждали, что: «Инструкции часто приходят с задержкой», а другие часто сообщали о том, что «У меня нет никаких инструкций от моего правительства, т.к. мы относительно маленький игрок. Нам говорят, что у нас есть более важные дела» [с. 6].

Однако автор статьи подчеркивает, что, если страны с кадровым дефицитом и недостаточной административной поддержкой из своих правительств будут уделять первоочередное внимание проблеме, они могут сосредоточить свои имеющиеся ресурсы, быстро разработать национальную

позицию и отправить соответствующую инструкцию в свою миссию в Нью-Йорке для спонсорства или даже стать самим ведущим спонсором. Например, Центральноафриканская Республика поддержала резолюцию о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве в 2014 г [с. 6].

Чтобы предъявлять убедительные претензии, государствам нужны хорошие фактические, юридические или нормативные основания для поддержки их позиции. В целом, более богатые государства имеют большее преимущество, т.к. имеют больше экспертов, которые могут предоставлять своим дипломатам из Нью-Йорка хорошие аргументы, либо самим летать в Нью-Йорк, чтобы поддерживать их напрямую. Однако более слабые государства могут изменить ситуацию в свою сторону, если у них есть весомые аргументы и большой опыт, поэтому они должны сосредоточиться на этом. Таким образом, автор резюмирует, что опыт и кадровый потенциал способствуют эффективному участию в решаемых задачах независимо от размеров и мощности государств.

По мнению Д. Панке, могущественные государства теоретически могли бы использовать свою экономическую мощь, предлагая побочные платежи и торговлю в качестве вознаграждения и иметь большие возможности для оказания влияния, чем более бедные государства. Однако качественные данные свидетельствуют о том, что побочные платежи и покупка голосов не имеют места, когда речь идет о ко-спонсорстве на этапе составления повестки дня.

Д. Панке утверждает, что роль идейного и кадрового потенциала для эффективного участия в установлении повестки дня, военная мощь или экономические переговоры не влияют на шансы государства влиять во время консультаций на коспонсоров. В целом, возможности, связанные с размерами и мощностью страны, не имеют значения. Таким образом, выравнивающий эффект институционального дизайна ГА ООН в отношении активного участия государств на этапе формирования повестки дня достаточно высок. Однако стоит учитывать, что более крупные и богатые страны находятся в лучшем

положении, чтобы спонсировать резолюции и влиять на их содержание или превращаться в влиятельного коспонсора.

Далее автор статьи представляет нам следующий этап политического цикла ГА ООН – переговоры. В ходе переговоров государства могут озвучивать национальные позиции и применять различные стратегии переговоров для оказания влияния на резолюции или обеспечивать, чтобы резолюция имела достаточную поддержку, которая должна быть принята после этап переговоров. Тем не менее, уравнивающий эффект опосредуется различиями по размеру и мощности. Как и в случае этапа установления повестки дня, нехватка персонала и финансовых возможностей в столицах и в Нью-Йорке влияет на способность государств принимать активное участие в рассмотрении всех резолюций по повестке дня ГА ООН. Если делегации не получают информацию о национальной позиции из их правительств, дипломаты обычно не могут активно участвовать в комитетах ГА ООН: «Мы не можем действовать без направления в любом случае». Если процесс формирования национальных предпочтений идет медленно, дипломаты в Нью-Йорке не могут активно участвовать в переговорах, что снижает уровень участия страны. Кроме того, рабочая нагрузка в ГА ООН довольно высокая: ежегодно обсуждаются более 300 резолюций. Таким образом, как правило, одновременно проводятся несколько переговоров.

Государства с небольшими миссиями в Нью-Йорке сталкиваются с серьезной нехваткой кадров, поскольку у них недостаточно дипломатов для физического присутствия на всех переговорах. Таким образом, более маленькие и бедные государства, как правило, используют свои формальные права участия на этапе переговоров менее часто и более избирательно, чем более крупные и лучше обеспеченные ресурсами страны. Это, в свою очередь, серьезно ограничивает уравнивающий эффект институционального дизайна ГА ООН, отмечает Д. Панке.

В соответствии с этим сравнительные исследования по данной теме также иллюстрируют, что уровни активности государств сильно различаются. К примеру, такие страны, как США, Германия, Франция, Великобритания, Индия, Южная Африка, Канада, Китай и Египет очень активны. В то время как другие страны, такие как Федеративные Штаты Микронезии, Андорра, Сейшельские Острова, Папуа-Новая Гвинея или Тринидад и Тобаго имеют тенденцию быть значительно менее активными как внутри комитетов ГА ООН, так и за ее пределами [с. 8].

Тематические исследования показали, что на данном этапе большее преимущество у более крупных и богатых государств, однако на практике они лишь изредка используют его для оказания влияния на резолюции ГА ООН.

Таким образом, мы видим, что на переговорном этапе институциональный дизайн ГА ООН имеет де-факто лишь ограниченный эффект выравнивания. По сравнению с активным участием, выравнивающий эффект институционального дизайна сильнее в отношении эффективного участия в переговорном этапе.

Далее автор представляет нам этап принятия решений на уровне ГА. Здесь резолюции могут приниматься консенсусом (что является неофициальной нормой) или простым большинством (что является формальным правилом). Последнее требует запроса хотя бы одного государства-члена ГА ООН. Когда речь заходит о голосовании, каждое государство имеет один голос и может формально выбирать между «да», «нет» или «воздержаться». Для голосования необходимо наличие одного дипломата от каждого государства. Для очень малых государств без миссии в Нью-Йорке, таких как Кирибати, или с миссиями из одного человека, таких стран как Центральноафриканская Республика, Гвинея-Бисау, Науру или Сомали, участие в голосовании ГА может быть проблемой. Государства, которые страдают от серьезной нехватки административных возможностей, могут оказаться неспособными охватить все резолюции ГА ООН. Таким образом, хотя каждое государство имеет равные

количество голосов в ГА ООН, независимо от его размера или экономического благосостояния, государства не всегда участвуют в процессе принятия решений [с. 10].

Уравновешивающий эффект институциональной структуры в отношении эффективного участия является самым сильным при рассмотрении принятия решений, отмечает автор. На этом этапе политического цикла каждое государство имеет один голос и имеет право голосовать по своему усмотрению. Несмотря на то, что существует большое количество исследований по вопросам голосования, в которых затрагивается вопрос о том, предоставляют ли крупные доноры официальную помощь в целях развития в обмен на поддержку голосования в ГА ООН [с. 10].

Более слабые государства иногда поддерживают более сильные государства, но делают это в тех случаях, когда у них нет национальных предпочтений. Они знают, что могут выжать всевозможные уступки из более крупных государств-членов. К примеру, Микронезия голосует за позицию США по отношению к позиции Израиля. Предполагается, что она получает что-то взамен за это от США. Тот факт, что у них есть голосующая власть, полностью несоизмеримая их населению, дает им стимул присутствовать на голосовании и максимально использовать возможности ведения переговоров. Таким образом, выравнивающий эффект заключительного этапа политического цикла институционального дизайна ГА ООН является самым сильным.

Хотя ГА ООН институционально спроектирована как уравниватель между государствами, государства сильно различаются в отношении своих ресурсов, связанных с властью. Автор отмечает, что уравнивательный эффект институциональной структуры ГА ООН подвергается жесткому испытанию.

В ГА ООН выравнивающий эффект является самым сильным в конце цикла (принятие решений) и самым слабым на средней стадии (переговоры), первый же этап (установление повестки дня) находится между ними. Однако Д. Панке подчеркивает, что в ГА ООН самым важным является заключительный

этап принятия решений, на котором принимаются решения о прохождении или непринятии резолюций. На данном же этапе выравнивающий эффект институциональной структуры является самым сильным.

Автор статьи утверждает, что учреждения, которые структурируют поведение акторов, действительно, смягчают реальные различия в мощности и потенциале между различными государствами, создают положительную среду для легитимности международных организаций и их политических результатов. Таким образом, заключает автор, институциональная структура ГА ООН, в конечном счете, предотвращает преобладание властных и размерных различий стран-участниц, что, в свою очередь, позитивно сказывается на процессуальной легитимности данного учреждения.

Н.С. Жумабаева

КОМАС ДЖ., ШРИВАСТАВА П., МАРТИН С. Э. ТЕРРОРИЗМ КАК ФОРМАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, СЕТЬ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ¹.

COMAS J., SHRIVASTAVA P., MARTIN C. E. Terrorism as formal organization, network and social movement // J. of management inquiry – SAGE, 2015. – Vol. 24. N 1. – P. 47–60.

Ключевые слова: терроризм; организационная структура; сеть; общественное движение; теория организаций.

В статье Джорди Комаса, Пола Шривастава и Эрика Мартина (Бакнеллский университет, Пенсильвания, США) на основе сравнительного анализа деятельности «Хезболлы», ЭТА, «Тигров освобождения "Тамил-Илама"» и Аль-Каиды обосновывается идея эффективности использования положений теории организаций в исследовании терроризма.

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2016. – № 4. – С. 47–53.

Во введении авторы обращают внимание читателя на то, что при попытке дать определение терроризму ученые гораздо чаще прибегают к указанию на его последствия, а не к описанию соответствующих организационной или управленческой структур [с. 47]. Даже после трагических событий 9/11 и инициированной американским правительством «войны с террором» ряд существенных, с практической точки зрения, аспектов остается вне фокуса интереса научного сообщества. В доказательство этого тезиса Дж. Комас и его коллеги ссылаются на слова ведущего американского специалиста в области изучения международного терроризма Х. Кушнера, отметившего, что даже в случае с Аль-Каидой, академические круги не смогли заметно приблизиться к пониманию механизма ее функционирования как организации¹[с. 47].

При разработке собственного подхода к анализу терроризма авторы отталкиваются от монографии американского политолога Б. Хоффмана «Терроризм взгляд – изнутри», где данный социальный феномен определяется как умышленное создание страха при помощи насилия или угрозы насилия и его использование в целях проведения политических изменений. Терроризм в интерпретации Хоффмана оказывается своего рода стратегическим инструментом решения конфликтов с неравной расстановкой сил. Он обозначает, что политические террористические акты могут осуществляться «...организацией, тайной ячейкой или малой группой, находящимися под прямым воздействием, замотивированными или вдохновленными каким-либо движением или его лидерами»² [с. 47]. В последней цитате отражаются наиболее типичные представления экспертов об организационных аспектах терроризма. Одни, акцентируя внимание на движениях подобных «Хезболле»³,

¹ Kushner H. Encyclopedia of terrorism. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2003.

² Hoffman, B. Inside terrorism. – N.Y.: Columbia univ. press. – 2006. – P. 40

³ «Хезболла» считается террористической организацией в Австралии, Бахрейне, Великобритании, Египте, Израиле, Канаде, Нидерландах и США. В России «Хезболла» не считается террористической организацией. В ноябре 2015 г. заместитель главы МИД РФ и спецпредставитель президента России по

изображают его проистекающим от официально зарегистрированных организаций; другие, занятые изучением Аль-Каиды и т.п., описывают свободную сеть частных лиц и групп, связанных идеологией и способных к координации своих действий без явной централизации. В определенном контексте, например, применительно к «Тиграм освобождения Тамил Илама» (ТОТИ), терроризм трактуется как нечто эндемичное борьбе угнетенных групп за независимость в рамках национального государства.

В рамках своего исследования Дж. Комас, П. Шривастава и Э. Мартин раскрывают имплицитно заложенные в работе Б. Хоффмана, но ясно не артикулированные им смыслы, доказывая, что коллективы, осуществляющие теракты, могут принимать любую из трех вышеозначенных форм, а именно: официальной организации, сетевой структуры и общественного движения [с. 48]. При этом они обращают внимание на возможность смены одним коллективом различных организационных форм, варьирования степени сплоченности и характера координации в зависимости от текущей социально-политической конъюнктуры.

Собственные наблюдения натолкнули ученых на мысль о том, что терроризм имеет полиморфную структуру. Подобно биологическим видам, террористические организации могут существовать в состояниях с различной внутренней структурой или в разных внешних формах [с. 49]. Примечательно, что им также присущи такие процессы как мутация, адаптация и реструктуризация, которые позволяют сохранять жизнеспособность в условиях изменяющейся окружающей среды. В связи с этим справедливо будет предположить, заключают авторы, что терроризм не может существовать только в одной из предложенных форм (конфигураций). Возможно, продолжают они, невнимание к этому обстоятельству и есть ответ на вопрос,

Ближнему Востоку и Северной Африке М.Л. Богданов разъяснил эту ситуацию, отметив, что «Хезболла» не совершала терактов на территории РФ и является законной общественно-политической силой, имеющей представителей в парламенте Ливана. – *Прим. реф.*

почему борьба с «мировым злом» на протяжении стольких лет не приносит должных результатов.

При рассмотрении террористических группировок как организаций исследователю приходится столкнуться с рядом трудностей. Любая организация ставит перед собой конкретные задачи. Между тем цели террористов, как и средства их достижения, не являются константными. Если же меняются намерения террористической группировки, то «мутирует» и ее организационная структура [с. 49].

Более того, внутренняя упорядоченность структуры организации обеспечивается координацией, особенности которой, в случае с терроризмом, выявить не так просто. Признавая, что для современных террористических объединений в большей степени характерна размытость иерархии управления, авторы, приходят к выводу, что террористическая группировка – это новый вид социальной организации, отличный от таких ее традиционных форм, как семья или бюрократия [с. 49].

В основном террористические группировки демонстрируют характеристики сетевых структур: добровольное участие, горизонтальные связи и обмен. В частности, они могут функционировать либо как сеть формальных учреждений, нацеленных на достижение большого количества порой взаимоисключающих целей, либо как организованные транснациональные информационные пропагандистские группы. По утверждению исследователей, террористические сети формируются под решение определенных задач, зачастую носят временный характер и не имеют никакой иерархии. Отдельные ученые, например, Дэвид Бойе и Роберт Гепхарт, полагают, что террористические группировки – это не что иное, как организации эпохи постмодерна, т.е. «различные самоуправляемые и самоконтролируемые объединения с несколькими центрами координации»¹ [с. 49].

¹ Boje D. M., Gephart R.P., Thatchenkery T.J. Postmodern management and organization theory. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1996.

Что же касается общественных движений, то в данной статье они определяются как совокупность субъектов, консолидированных общностью исторической памяти, культурного опыта и каналами коммуникации. При этом подчеркивается, что общественные движения невозможно идентифицировать с какой-либо конкретной организацией.

Важно отметить, что любое общественное движение эмоционально нагружено. Аффективная составляющая служит важнейшим компонентом экстремистской деятельности: радость обретения чувства солидарности и единства позволяет страстным поклонникам движения пренебречь общественно приемлемыми правилами и встать на тропу насилия ради достижения общих задач. В качестве примеров общественных движений, с той или иной частотой прибегавших к использованию тактики терроризма, авторы называют ваххабизм, христианский фундаментализм, радикальные движения по защите окружающей среды и прав животных [с. 50].

Полиморфизм терроризма заключается в том, что террористические группировки обладают чертами и формальными организаций, и сетевых структур, и общественных движений. Отсутствие явно доминирующей организационной формы террористических объединений, исследователи объясняют следующими причинами.

Во-первых, вариативность форм обуславливается трансформациями локального контекста. На структуру террористической группировки оказывают влияние роль религии в обществе, этническое происхождение террористов, мощь национального государства, политическая динамика и эффективность борьбы с терроризмом. Во-вторых, сами группировки обладают способностью адаптировать свои организационные формы к изменениям окружающей среды [с. 55].

По мнению авторов, рассмотрение терроризма в трех ипостасях позволит найти ответы на следующие вопросы: «как возникают террористические организации», «как они функционируют», «как обретают известность и

завоеывают популярность». Более того, использование наработок теории организаций, дает надежду на получение более эффективных методов борьбы с террористами, например, основанных на концепции управления жизненным циклом организации, включающим в себя такие этапы, как зарождение, развитие, зрелость и спад [с. 55].

Авторы оспаривают традиционное представление о том, что главными причинами террористической активности являются нищета и угнетение в условиях жестко стратифицированного общества. Подчеркивая, что одной лишь бедностью терроризм не объяснить, они указывают на важный аспект экономической депривации, подталкивающий к террористической деятельности, – отсутствие веры в то, что потенциальные изменения действительно приведут к улучшению ситуации. Стабильность среды может быть нарушена войнами, перенаселением, истощением природных ресурсов, т.е. факторами, идущими рука об руку с политическим насилием и бесконтрольной миграцией. Социально-экономические потрясения и ослабление систем безопасности увеличивают риск терактов.

Однако в статье рассматривается и другой сценарий возникновения терроризма, не связанный с народными движениями. Глобальные сети, которые уже контролируют такие ресурсы, как нефть, бриллианты, опиум, кофе, кокаин и др., могут использовать террористов для сохранения своих источников дохода [с. 55].

Довольно часто катализатором террористической активности становятся происходящие в обществе инциденты. Например, убийства и пытки; достигнутые соглашения и договоры, неприемлемые какой-либо социальной группой; иностранная оккупация и захват территории. Подобные беспорядки или радикальные перемены приводят к возникновению харизматического лидера или лидеров. В данном контексте организационная форма определяет методы, используемые террористическими группами, для придания легитимности своим действиям в сознании народных масс.

Террористические группировки не ограничивают себя в средствах достижения таких стратегических задач, как ослабление государства, завоевание поддержки и подъем масс на борьбу. Успех террористической деятельности зависит от, казалось бы, двух взаимоисключающих факторов – планирования операции и импровизации в ходе ее исполнения. Тем не менее, такой подход довольно в силу способности террористических группировок действовать как сетевые структуры достаточно эффективен.

Организационная форма определяет наиболее действенные факторы разложения террористической группировки [с. 56]. Если последняя представляет собой организацию, то ее ослабление может быть вызвано текучкой кадров, устранением лидера, потерей финансовой поддержки и т.д.. Если мы имеем дело с сетевой структурой, то причинами стагнации скорее станут разрыв каналов связи, политические потрясения, недоверие между членами коллектива. Когда же террористическое объединение носит характер общественного движения, есть шанс ослабить его поддержку с помощью подрыва легитимности действий харизматических лидеров.

Подводя итог, Дж. Комас, ДП. Шривастава и Э. Мартин подчеркивают значительный, но пока еще недооцененный научным сообществом эвристический потенциал применения теории организаций к исследованию терроризма. Отмечая, что пока без ответов остаются такие важные вопросы, как: «зависят ли от организационной формы методы достижения легитимности», «влияет ли организационная форма на характер террористических операций и способы контроля за информацией», «за счет чего можно ослабить террористическую группировку», «как террористы формируют цели, используют технологии и поддерживают гибкость своей организационной структуры», авторы обозначают наличие серьезных перспектив дальнейшего использования предложенного ими метода в исследованиях терроризма [с. 56–57].

Е.А. Карнаухова

БРИЛЛ ДЖ., БЛИСС ДЖ., ... ВОПРОСЫ ЭТИКИ, ДОВЕРИЯ И ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЛАСТИ АВТОНОМНЫХ СИСТЕМ¹.

Brill J., Bliss J., ... Matters of ethics, trust, and potential liability for autonomous systems // Proceedings of the human factors and ergonomics society annual meeting. – 2016. – Vol. 60. – P. 308–312.

Ключевые слова: интеллектуальные автономные системы (ИАС); искусственный интеллект; роботизация; мораль; этика.

Начало XXI в. ознаменовалось резким скачком в развитии роботизированных систем, представляющих собой наиболее очевидную сферу применения интеллектуальных автономных систем (ИАС). Параллельно в академическом и политическом сообществах усилилась полемика о юридических, технологических и военных аспектах внедрения систем такого рода. Рассмотрению вопросов этики, доверия и потенциальной ответственности специалистов, вовлеченных в создание ИАС, было посвящено одно из заседаний ежегодной встречи «Общества человеческих факторов и эргономики»². В экспертной дискуссии приняли участие Дж. Брилл³, Дж. Блисс⁴, П. Ханкок¹, Д. Манзи², Й. Мейер³ и А. Вреденбург⁴. Выступления и комментарии участников заседания легли в основу настоящей статьи.

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2018. – № 2. – С. 78–82.

² Общество человеческих факторов и эргономики – Human Factors and Ergonomics Society.

³ Старший научный сотрудник и руководитель Группы по анализу человеческого поведения в исследовательской лаборатории ВВС США. До перехода на госслужбу занимал преподавательские должности в Университете Олд Доминион (Old Dominion University) и Мичиганском техническом университете (Michigan Tech).

⁴ Профессор Университета Олд Доминион (Old Dominion University) с 2001 г. Ведет курсы по проблематике доверия / недоверия людей к ИАС, в рамках которых активно взаимодействует с армией США, Агентством перспективных

Специалисты констатировали, что в ближайшем будущем ИАС получат не только военное, но и гражданское применение, и будут использоваться в медицине (виртуальные врачи), сельском хозяйстве, коммерческом судоходстве и в области оказания юридических услуг [с. 308]. Однако расширение сферы применения ИАС закономерно приведет к увеличению частоты и усилению негативных последствий сбоев в их работе, а также породит ряд проблем правового характера.

В своих вступительных тезисах Дж. Брилл отметил, что быстрое развитие автономных технологий привнесло практическую составляющую в многолетние теоретические дискуссии о механической морали и искусственном интеллекте. По его мнению, специалисты в области эргономики должны выступить в роли своеобразных «сознания и совести» технологического сообщества, взяв на себя оценку потенциальных рисков плохо спланированных и осуществленных решений в области использования ИАС. «Профессор Йен Малькольм из «Парка Юрского периода», возможно, наилучшим образом ухватил эту мысль», – утверждает Дж. Брилл, цитируя знаменитое: «...ваши ученые были настолько озабочены тем, могли ли они или нет, чтобы не переставали думать, должны ли они это делать». «Если мы решим, что должны (развивать специальные автономные системы), – продолжает он, – тогда на нас ложится ответственность задействовать все свои навыки с тем, чтобы создать и

исследований Министерства обороны США (DARPA), Управлением научных исследований ВВС США (AFOSR), Национальным управлением по аэронавтике и исследованию космического пространства (NASA), Национальным научным фондом (NSF).

¹ Заслуженный профессор Департамента психологии и Института моделирования и обучения, а также Департамента гражданской и экологической инженерии и Департамента систем промышленного проектирования и управления в Университете Центральной Флориды (UCF).

² Профессор инженерной и организационной психологии в Берлинском техническом университете (TU Berlin).

³ Профессор кафедры промышленной инженерии Тель-Авивского университета (Tel Aviv University).

⁴ Директор Vredenburg & Associates, Inc., председатель программы профессиональной экспертизы Forensics Group, доктор философии.

обучить их, а также, когда это необходимо, сдерживать и воспрепятствовать им» [с. 310]. В свою очередь, Дж. Блисс заявил, что ответственность производителей роботизированных систем, в числе прочего, выражается в том, что, пытаясь избежать возникновения небезопасных для пользователей ситуаций, они оснащают свои разработки многочисленными датчиками со своими способами оповещения [с. 309].

Решение о внедрении новых роботизированных технологий, подчеркнул Д. Манзи, требует общественного согласования. В условиях демократии это с необходимостью обернется проведением широких политических дискуссий о социальных последствиях роботизации. Закономерным итогом подобных обсуждений должно стать формирование четкого списка критериев приемлемости той или иной технологической инновации для данной страны. Однако факт того, что общество признает целесообразным внедрение конкретных технологий или систем, не освобождает каждого отдельного разработчика от принятия соответствующего решения на индивидуальном уровне [с. 310].

Эксперты признали важность обсуждения этического измерения роботизации. Были приведены аргументы противников широкого внедрения ИАС, в первую очередь, тех из них, что полагают морально уязвимым использование устройств автоматике, заменяющих человека, в боевых ситуациях. В частности, упоминался распространенный тезис о том, что бомбардировки времен Второй мировой войны были более «гуманными» и уважали «человеческое достоинство» жертв (в отличие от современных боевых операций, осуществляющихся при помощи беспилотных летательных аппаратов), поскольку производились людьми ¹. Отвлекаясь от дискуссионных по сути этических аспектов роботизации, эксперты рассмотрели другой тезис

¹ Robots could eventually replace soldiers in warfare. Is that a good thing? – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/news/innovations/wp/2016/10/05/robots-could-eventually-replace-soldiers-in-warfare-is-that-a-good-thing/?utm_term=.504d3d696219 [Accessed 06.02.2018].

критиков ИАС, заключающийся в том, что вне зависимости от достигнутого уровня научно-технического прогресса, без человеческого надзора полностью автономные системы неизбежно будут допускать ошибки. В военной области основные риски могут быть связаны с ошибочными действиями машин в ситуациях, требующих различения участников боевых действий и гражданского населения страны-противника. Остро стоит вопрос об этических ограничениях в связи с принятием роботом самостоятельных решений о том, сохранить человеческую жизнь или убить человека. Некоторые трудности могут возникнуть при определении субъекта юридической ответственности за действия, совершенные роботами. Учитывая все вышеозначенные риски, П. Хэнкок выступил за ограничение распространения роботизированных систем, как способных выйти из-под контроля и стать реальной угрозой для человечества [с. 310]. Й. Мейер высказался значительно мягче, указав на исключительную значимость роли когнитивных инженеров, которые должны оценивать потенциальные риски в области проектирования и эксплуатации, при разработке роботизированных систем [311].

Участники заседания сошлись во мнении, что с учетом динамики технологического развития в ближайшем будущем использование ИАС станет значимым вызовом и для системы нормативно-правового регулирования военной безопасности государства, поскольку практика и последствия применения отдельных инноваций пока еще не получили юридического оформления. Необходимо определиться с тем, как следует применять действующее законодательство в условиях тенденции к увеличению автономности систем оружия, а также с учетом потенциальных проблем, связанных с конструкцией будущих полностью автоматических систем оружия.

Основное содержание дискуссии определили два вопроса: большее или меньшее количество ошибок, в сравнении с системами, управляемыми человеком, возникнет в ходе работы ИАС; если при использовании ИАС в

военной области, возникшие ошибки приведут к значительным потерям среди гражданского населения, откажется ли от них общество?

В отношении первого вопроса Дж. Брилл заметил, что на данный момент уровень искусственного интеллекта и машинное обучение не соответствуют способностям человека, однако технический прогресс не останавливается. Скорость обработки данных компьютерами значительно выше, при этом отсутствуют такие связанные с природой человека ограничения, как чувства, усталость, склонность к оценочным суждениям. С учетом этих обстоятельств, ИАС представляются менее склонными к непреднамеренным ошибкам.

В ходе обсуждения также было отмечено, что, фактически, если непредумышленные потери гражданского населения все же имели место, уже не столь важно, произошли ли они вследствие ошибочных действий человека или сбоя в работе автономных систем. Тем не менее, велика вероятность, что единичные сбои, обернувшиеся тяжелыми последствиями, приведут к волне общественного сопротивления последовательному внедрению ИАС.

Были высказаны опасения, что активное распространение ИАС во всех сферах человеческой жизни приведет к их дегуманизации, замене людей роботами. Однако А. Вреденбург парировала, что на практике ситуация не столь однозначна. Если говорить о производственной роботизации, то она потребует привлечения массы дополнительных специалистов в области программирования, т.е. снизится потребность в сотрудниках низкой, но не высокой квалификации. Таким образом, роботизация, отметила она, подразумевает не сокращение рабочих мест за счет полной замены личного состава машинами, а интеграцию ИАС в человеческую деятельность [с. 312].

В завершении заседания участники обозначили задачу дальнейшего скрупулезного исследования социальных последствий использования ИАС, в частности, совместимости автономного оружия с международными нормами в области прав человека и международным гуманитарным правом.

А.Ю. Лунова

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

КРИСТИ Э.Х. РАЗРАБОТКА ЗАПАДНЫХ САНКЦИЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ РОССИИ¹.

CHRISTIE E.H. The Design and impact of western economic sanctions against Russia // The RUSI j. – L., 2016. – Vol. 161, N 3. – P. 52–64.

Ключевые слова: санкции; Россия; США; украинский кризис.

В настоящей статье Эдвард Хантер Кристи (ведущий специалист НАТО по военной экономике) оценивает эффективность экономических санкций, введенных против России рядом западных государств в 2014 г. в связи с присоединением к ней Крыма и конфликтом на востоке Украины, как инструмента «сдерживания российской агрессии» в регионе [с. 52]. Автор предпринимает попытку ответить на вопрос, способно ли существенное ужесточение экономических санкций (в отсутствие иных дополнительных мер принудительного воздействия, подкрепляющих дипломатические усилия) привести к изменению политического курса Москвы.

В первой части работы описывается хронология введения и предполагаемые цели антироссийских санкций, раскрываются сущностно-содержательные характеристики последних, а также выделяются типы ограничительных мер экономического характера [с. 52–55]. В 2014 г. в ответ на «агрессивные» действия России, направленные против суверенитета и территориальной целостности Украины западные страны, в частности, 28 государств-членов Европейского союза, а также США, Канада и Норвегия наложили ряд санкций в отношении российских физических лиц и предприятий. По мнению автора, с экономической точки зрения наиболее

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2017. – № 2. – С. 105–110.

продуктивной оказалась так называемая «третья стадия» санкций, нацеленная на нанесение ущерба стратегически важным секторам российской экономики. Характер и масштаб мер, задействованных западными государствами, оказались весьма схожи, во многом потому, что их разработка и имплементация осуществлялись в тесной координации стран-участниц антироссийской санкционной кампании.

Э.Х. Кристи утверждает, что политическая цель экономических санкций никогда не состояла в том, чтобы насильственным образом принудить Россию пересмотреть свое враждебное поведение в отношении Украины. Напротив, и Евросоюз, и Соединенные Штаты заявляли о необходимости разрешения конфликта дипломатическим путем. В данном контексте экономические санкции выступают в качестве внешнеполитического механизма удержания российского руководства от неправомерных действий за счет повышения косвенных затрат государства. Согласно официальным документам, экономические санкции Европейского союза были нацелены на «увеличение расходов России на предпринимаемые действия по подрыву территориальной целостности, суверенитета и независимости Украины», а также «содействие мирному урегулированию кризиса»¹ [с. 52]. В качестве подтверждения данного положения автором настоящей статьи приводится заявление президента США Барака Обамы (2009–2017), сделанное после введения ограничительных мер: «Мы [США, Великобритания, Германия, Франция и Италия] солидарны в том, что ситуация на Украине требует дипломатического решения. Но для нас также ясно и то, как я уже говорил много раз, что, если Россия продолжит идти по тому же самому пути, цена подобной политики для нее будет расти. Это выбор, который сделан Россией и президентом Путиным в частности. Наиболее приемлемым вариантом для России представляется выбор в пользу политики

¹ Council of the European Union, ‘Council regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 Concerning restrictive measures in view of Russia’s actions destabilizing the situation in Ukraine’ // Official j. of the European Union (L 229/1, 31 July 2014), recital 2.

деэскалации, выбор в пользу присоединения к усилиям мирового сообщества в деле дипломатического решения ситуации»¹ [с. 52].

Экономические санкции Европейского союза вступили в силу 1 августа 2014 г. сроком на двенадцать месяцев. Следствием дальнейшей эскалации вооруженного конфликта на востоке Украины стало усиление с 12 сентября 2014 г. санкций без изменения срока их истечения. Затем в июле 2015 г. они были продлены еще на шесть месяцев и на столько же в декабре 2015 г. Таким образом, 31 июля 2016 г. срок действия санкций истек. Э.Х. Кристи обращает внимание на то, что в марте 2015 г. государства-члены Европейского союза выражали готовность снять экономические санкции при условии полного выполнения российской стороной Минских соглашений.

16 июля 2014 г. на неопределенный срок вступили в силу экономические санкции США в отношении небольшого количества российских предприятий. Число физических лиц, попавших под действие ограничительных мер, увеличилось решением американской администрации от 29 июля 2014 г. Санкции были расширены 12 сентября 2014 г. в тесной координации с Евросоюзом.

Автор выделяет три типа экономических санкций [с. 53]:

1. запрет на поставки в Россию товаров и технологий военного назначения, ограничения на предоставление технической или финансовой помощи российским оружейным компаниям;
2. запрет на поставки в Россию товаров и технологий для разведки и добычи глубоководных, арктических или сланцевых запасов нефти;
3. запрет на торговлю переводными ценными бумагами и инструментами денежного рынка со сроком погашения более 90 дней, эмитентами которых являются крупнейшие российские финансовые, энергетические и оборонные предприятия (далее – «финансовые санкции»).

¹ Barack Obama, 'Statement by the President on Ukraine', press statement, White House, Office of the press secretary, 29 July 2014.

12 сентября 2014 г. финансовые санкции ЕС и США были ужесточены. Включенные в санкционный список российские компании столкнулись с запретом совершать операции с европейскими заемными инструментами со сроком погашения более 30 дней (ранее срок составлял более 90 дней), ограничения также коснулись выдачи кредитов, расширился список попавших под санкции организаций.

Во второй части статьи Э.Х. Кристи оценивает последствия введения санкций для российской экономики. Он полагает, что запрет на поставки в Россию товаров и технологий военного и двойного назначения не вызовет существенного негативного макроэкономического эффекта в стране, учитывая узконаправленный характер санкционных мер [с. 56–58].

Ожидается, что ограничения на поставку современного оборудования, необходимого для добычи нефти, приведут в среднесрочной перспективе к сокращению объемов нефтедобычи в России. Таким образом, снизятся доходы от экспорта, и произойдет уменьшение темпов роста российской экономики.

Пока воздействие финансовых санкций против российских предприятий носит краткосрочный характер. Отечественные компании вынуждены покрывать свой внешний долг в условиях дефицита ликвидности. Таким образом, если иностранные банки прекратят кредитование, у российских фирм не останется иного выхода, кроме как обратиться за финансированием и средствами для выплаты задолженностей к государству. Более того, учитывая стратегическое значение упомянутых в санкционных списках институтов, автор настоящей статьи не отвергает сценарий, при котором органы государственной власти Российской Федерации выработают механизмы оказания им помощи и поддержки за счет привлечения национальных резервов. В качестве потенциально возможных источников финансирования автор отмечает два российских независимых фонда (Резервный фонд и Фонд национального благосостояния России) и, что менее вероятно, валютные резервы

Центрального банка (в случае использования ресурсов последнего общий объем валютных резервов России будет значительно сокращен) [с. 56].

Введенные санкции оказали косвенное давление на курс рубля, приведя к ослаблению национальной валюты. Неспособность привлечь западных инвесторов к реализации приоритетных национальных проектов обернулась снижением уровня инвестиционных вливаний в банковском секторе экономики России. Существенное ограничение было наложено на кредитование частного сектора. «Сдерживающий эффект» санкций проявляется в том, что многие европейские и американские банки, опасаясь негативных правовых последствий, избегают размещения российских облигаций. Автор прогнозирует, что условия заимствования на западных рынках для России ухудшатся, атмосфера неопределенности в кругу российских инвесторов так же негативно скажется на экономической ситуации в стране. Отток капитала из России будет увеличиваться – это станет еще одним фактором, оказывающим давление на рубль. Э.Х. Кристи предполагает, что на все указанные тенденции Центральный банк отреагирует либо путем поднятия процентных ставок при помощи резервов для защиты и обеспечения устойчивости рубля, либо путем введения контроля над движением капитала. Однако подобные решения со стороны главного эмиссионного и денежно-кредитного института Российской Федерации только ухудшат инвестиционный климат в стране.

В долгосрочной перспективе отечественные предприятия будут постепенно покрывать внешнюю задолженность. С точки зрения «национального самообеспечения» погашение компаниями своих обязательств снизит их экономическую уязвимость. Тем не менее, компенсация ущерба, понесенного Россией в результате введения в отношении нее западных санкций, будет осуществляться за счет средств федерального бюджета. Сокращение иностранных инвестиций, поступающих в банковский сектор страны, может привести к общему недофинансированию всей российской экономики. В свою очередь, недофинансирование, подчеркивает автор,

спровоцирует снижение производительности труда и подрыв конкурентоспособности государства, приведет к замедлению темпов роста ВВП, нарушению рыночного равновесия и уменьшению уровня национального дохода.

Третья часть статьи посвящена анализу политических последствий введения антироссийских экономических санкций [с. 58–59]. На стратегическом уровне, констатирует Э.Х. Кристи, меры санкционного принуждения и угрозы их дальнейшего ужесточения не привели к сокращению военного присутствия России на территории Украины, хотя сам факт взятия российской стороной определенных обязательств в части невмешательства во внутренние дела Киева уже можно рассматривать как «частичный успех». И этот «частичный успех», по мнению автора, стал реальностью исключительно благодаря наложенным экономическим санкциям, поскольку последние были признаны единственным уместным и, следовательно, полностью оправданным принудительным компонентом, сопровождавшим дипломатические усилия международных игроков по изменению поведения России.

Открытым остается вопрос о том, являются ли серьезным политическим сигналом слова президента США Барака Обамы¹, озвученные накануне подписания второго Минского соглашения: «Если дипломатия потерпит неудачу, возможность поставки летальных оборонительных вооружений на Украину послужит одним из тех вариантов, который будет рассмотрен». Анонимный дипломатический источник, у которого взяли интервью представители Международной кризисной группы, предполагает, что данное заявление было призвано оказать психологическое давление на Германию и Францию с целью достичь политического соглашения [с. 59].

В заключении Э.Х. Кристи, отмечая, что экономические санкции Запада не привели к кардинальной перестройке политики Москвы, все же признает их

¹ Barack Obama and Angela Merkel, 'Remarks by President Obama and Chancellor Merkel in joint press conference', speeches and remarks, White House, Office of the Press Secretary, 9 February 2015.

эффективность в плане снижения уровня вмешательства РФ в конфликт на востоке Украины и выражает уверенность в том, что дальнейшим ужесточением ограничительных мер можно было бы добиться более значимых изменений в поведении российского руководства [с. 60].

Г.С. Татевосян

ЧАЗИЗА С.М. КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ТРИГГЕР ИЗМЕНЕНИЯ «ПРАВИЛ ИГРЫ» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ?

CHAZIZA M. China-Pakistan relationship: A game-changer for the Middle East? // Contemporary rev. of the Middle East. – 2016. – Vol. 3, N 2. – P. 1–15.

Ключевые слова: Китай; Пакистан; китайско-пакистанский экономический коридор; порт Гвадар; ирано-пакистанский газопровод.

В своей статье эксперт Центра стратегических исследований Бегин – Садат Мордехай Чазиза (Департамент политологии, Академический колледж Ашкелона, Израиль) рассматривает влияние китайско-пакистанских отношений на изменение геоэкономической и геополитической обстановки на Ближнем Востоке.

Во введении автор описывает основные направления экономического, политического, и военно-технического сотрудничества официальных Пекина и Исламабада. Особо подчеркивается тот факт, что на протяжении более чем пятидесяти лет Китайская народная республика (КНР) и Исламская республика Пакистан (ИРП) сохраняли самые тесные связи и всегда рассматривали друг друга в качестве важнейших союзников [с. 1–4].

С.М. Чазиза, что основой совпадения внешнеполитических устремлений КНР и ИРП стал ободный антагонизм по отношению к Индии, обусловленный наличием территориальных споров с Нью-Дели и стремлением индийского руководства расширить влияния своей страны в Азии. На сегодняшний день вышеозначенные противоречия только углубились в силу наблюдаемого наращивания потенциала вооруженных сил Индии, американо-индийского

сближения и активизации политики США в регионе, а также по причине обострения террористической угрозы со стороны уйгурского населения Китая.

В сложившихся условиях кооперация КНР и ИРП в военной сфере стала еще более тесной. Пакистан является основным импортером китайского вооружения с долей в 41% от всего военного экспорта КНР¹. Помимо этого, автор упоминает участие КНР в развитии пакистанской ядерной программы и создании в ИРП ядерного оружия и средств его доставки (баллистических ракет).

В тоже время торговля вооружениями составляет лишь часть динамично развивающихся экономических отношений двух стран. Объем взаимной торговли между КНР и Пакистаном вырос с 6 млрд долл. в 2006 г. до 16 млрд долл. в 2015 г.². При этом лидеры обоих государств ставят задачу увеличить товарооборот до 20 млрд долл. в год. Также в Пакистане уже активно работают 60 крупных китайских компаний, которые в общей совокупности реализуют 122 совместных проекта³.

Автор особо подчеркивает геостратегические детерминанты сотрудничества КНР с ИРП. Китай, являясь второй экономикой мира, завозит из-за рубежа примерно 70% потребляемой им нефти, и при этом 47% нефтяного импорта – это углеводороды Ближнего Востока. Главными поставщиками ценного сырья для Китая являются страны Персидского залива. По этой причине КНР заинтересована в создании надежной транспортной инфраструктуры, которая будет включать в себя сеть трубопроводов и морских

¹ Wezeman P.D., & Wezeman S.T. Trends in international arms transfers, 2014 // SIPRI Fact Sheet. – 2015, March. – Mode of access: <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1503.pdf> [Accessed: 20.05.2018.]

² FTA bearing fruit: Bilateral trade volume grows, still in favour of China // The Express Tribune. – 2015, April 19. – Mode of access: <http://tribune.com.pk/story/345372/the-xinjiang-problem-and-pakistan/> [Accessed: 20.05.2018.]

³ Pakistan Defense. Chinese military assistance to Pakistan and implications for India. – 2010, August 24. – Mode of access: <http://defence.pk/threads/chinese-military-assistance-to-pakistan-and-implications-for-india.70422/> [Accessed: 20.05.2018.]

портов, а большая часть данной инфраструктуры будет располагаться на территории Пакистана.

В основной части статьи рассматриваются факторы, способствующие возрастанию геостратегического влияния КНР на Ближнем Востоке. Автор ставит перед собой два вопроса: 1) Будет ли китайско-пакистанское сотрудничество способствовать реализации Пекином своих экономических интересов на БВ? и 2) Станет ли дальнейшее расширение этого сотрудничества основой выхода КНР на новый уровень влияния в регионе? С.М. Чазиза исходит из предположения, что, ответив на эти вопросы, мы сможем понять механизмы распространения влияния КНР не только на БВ, но и в Азии [с. 5–14].

Автор сосредотачивает свое внимание на трех наиболее значимых совместных проектах КНР и ИПП. К таковым он относит: создание китайско-пакистанского экономического коридора, модернизацию порта в Гвадаре и строительство ирано-пакистанского газопровода.

Приоритетным проектом КНР на территории Пакистана, призванным решить целый комплекс экономических и военно-политических задач, является создание т.н. китайско-пакистанского экономического коридора. Общий объем инвестиций оценивается в 46 млрд долл. с предполагаемым сроком реализации 15 лет. Деньги должны быть потрачены на строительство транспортно-логистической инфраструктуры, включающей в себя трубопроводы, автомобильные дороги и железнодорожные линии, которые свяжут пакистанский порт в Гвадаре (провинция Белуджистан) и китайский город Кашгар (Синьцзян-Уйгурский автономный район). Данный проект будет первым в рамках инициативы председателя КНР Си Цзиньпина «Один пояс, один путь» – амбициозной программы по созданию инфраструктуры в более чем 60 странах мира, расположенных на четырех континентах. Сухопутный маршрут свяжет Китай с Западной Европой с помощью железной дороги. Морской путь соединит прибрежный Китай с Восточной Африкой и Европой.

В случае успешной реализации проекта дальность транспортировки энергоресурсов из Персидского залива в Китай существенно сократится: с 9912 миль до 3626 миль в Центральную часть КНР и до 2295 миль в Синьцзян-Уйгурский автономный район¹. Это позволит снизить транспортные издержки на одну треть, одновременно возрастет уровень безопасности и стабильности поставок, так как транспортировка будет осуществляться в основном через трубопроводы, а не с использованием морских танкеров. Данный проект обеспечит Китаю выход в бассейн Индийского океана, на который приходится 70%² всей мировой морской транспортировки энергоресурсов, позволив использовать коридор в качестве некой базы китайского экономического присутствия. Таким образом, КНР может стать страной двух океанов, что в перспективе увеличит ее политическое влияния во всей Азии.

С.М. Чазиза отмечает, что последний фактор также будет способствовать укреплению национальной безопасности Китая. Дело в том, что основная транспортная артерия из Индийского океана в Тихий проходит через Малаккский пролив, который может быть легко заблокирован кораблями ВМС США или другого потенциального противника КНР. В случае же успешной реализации проекта создания экономического коридора Китай сможет обезопасить свой экономический тыл.

Проект также позволит разрешить ряд внутривосточных проблем. В первую очередь, он будет способствовать экономическому развитию проблемного Синьцзян-Уйгурского автономного района и ликвидации там сепаратистского и террористического движений. Пакистан и Афганистан все еще остаются источниками террористической угрозы в регионе. На территории

¹ Salman A. Pakistan–China economic corridor: A cost-benefit analysis // The Express Tribune. – 2015, May 3. – Mode of access: <http://tribune.com.pk/story/880259/pakistan-china-economic-corridor-a-cost-benefit-analysis/> [Accessed: 20.05.2018.]

² Detsch J. China's grand plan for Pakistan's infrastructure // The Diplomat. – 2015, April 21. – Mode of access: <http://thediplomat.com/2015/04/chinas-grand-plan-for-pakistans-infrastructure/> [Accessed: 20.05.2018.]

этих государств действует большое количество террористических группировок, вовлекающих в свою деятельность и мусульман-уйгуров. Китай рассчитывает, что реализация проекта экономического коридора послужит импульсом к активизации контртеррористической политики пакистанского руководства, а также позволит Пекину крепить свое влияние в Афганистане после вывода американских войск.

Однако, помимо положительных последствий создания китайско-пакистанского экономического коридора автор выделяет целый ряд проблем, препятствующих реализации проекта. С.М. Чазиза делит последние на политические, экономические и связанные с вопросами безопасности. К первым относятся политическая нестабильность в Пакистане и противодействие укреплению сотрудничества двух стран со стороны США и Индии. Экономические трудности обусловлены высоким уровнем коррупции на подобных проектах в Пакистане и скептицизмом местного бизнеса и политиков в отношении обещаний китайского руководства. Так в период с 2001 по 2011 гг. Пакистан получил всего 6% из 66 млрд долл., обещанных Пекином в качестве инвестиций и экономической помощи¹. Проблемы безопасности связаны с возможными террористическими атаками различных группировок на территории Пакистана, а также с вопросом сепаратизма белуджей. С учетом вышеперечисленных трудностей автор приходит к выводу, что на практике создание совместного экономического коридора может быть значимым, но не определяющим проектом в программе расширения влияния КНР в Азии.

Модернизация порта в Гвадаре напрямую связана с проектом создания китайско-пакистанского экономического коридора и является основой его реализации. Исключительное стратегическое значение данного порта обусловлено тем, что он находится всего в 400 км от Ормузского пролива –

¹ Wolf C.Jr., Wang X., & Warner E. China's foreign aid and government-sponsored investment activities: scale, content, destinations, and implications. RAND National Defense Research Institute. – 2013.

единственной артерии для транспортировки энергоресурсов из Персидского залива. Еще в начале 2000-х гг. он с помощью китайских инвестиций был переоборудован и стал глубоководным портом. В апреле 2015 г. управление портом на 40 лет перешло к китайской компании Chinese Overseas Port Holdings Ltd. В планах китайского руководства инвестировать дополнительно 200 млн долл. в порт с целью строительства нефтяного узла¹. Кроме того, планируется создать зону свободной торговли на территории порта. В результате Гвадарский порт может стать альтернативой базой для ирано-пакистанского трубопровода и центром торговли в регионе. Дополнительную выгоду КНР сможет извлечь в случае создания в Гвадаре китайской военно-морской базы (ВМБ), что позволит следить за 5-м флотом ВМС США и «проецировать силу» в Индийском океане и Персидском заливе. С.М. Чазиза обозначает, что Китай уже создал ВМБ для своих субмарин на территории Бангладеш и Шри-Ланки. Поэтому логично ожидать расширения системы военного присутствия КНР до Гвадара. Но подобное развитие событий возможно только после реализации экономических проектов. Таким образом, автор делает вывод, что модернизация порта в Гвадаре может изменить правила игры на БВ и в Азии, но это – вопрос времени.

Последний проект, который рассматривает автор, – строительство ирано-пакистанского газопровода. Разработанный еще в 1990-е гг., он не был реализован по причине нехватки средств у правительства Пакистана и санкций против Ирана. После заключения «ядерной сделки» по Ирану, КНР и ИРП вернулись к обсуждению отложенного проекта. Он также привлек внимание китайских компаний. Согласно договору, который был подписан в ходе визита Си Цзиньпина в Пакистан в 2015 г., китайские компании построят терминал СПГ и газопровод в рамках китайско-пакистанского экономического коридора.

¹ Desk W. China gets 40-year management rights on Gwadar port, access to Arabian Sea. The Express Tribune. – 2015, April 15. – Mode of access: <http://tribune.com.pk/story/870183/china-gets-40-year-management-rights-on-gwadar-port-access-to-arabian-sea/> [Accessed: 20.05.2018.]

Общий объем инвестиций составит 2.5 млрд долл., из которых 85% обеспечат китайские компании¹. При этом планируется связать ирано-пакистанский газопровод с портом в Гвадаре и китайскими трубопроводами. Это позволит напрямую поставлять энергоресурсы из Ирана в Китай. Таким образом, согласно С.М. Чазиза, Китай сможет связать своими инфраструктурными проектами Восточную и Западную Азию, изменить баланс сил в Индийском океане и сыграет важную геостратегическую роль на Ближнем Востоке.

Таким образом, при условии реализации всех трех вышеописанных проектов Китай сможет оказывать влияние на внешнюю политику Пакистана, и в перспективе – Афганистана. Кроме того, благодаря проекту ирано-пакистанского газопровода КНР рассчитывает наладить стратегическое партнерство с Ираном. При этом отмечается, что Китай уже оказывает определенное политическое влияние на Пакистан. Так, в частности, Пекин сумел надавить на пакистанское руководство и вынудить его отказаться от участия в военной операции Саудовской Аравии в Йемене. Таким образом, Китай за счет экономических проектов планирует создать в зоне АфПак сферу своего влияния, отделенную от геополитического противостояния Саудовской Аравии и Ирана и способную стать форпостом для распространения китайского влияния дальше на Ближний Восток.

В заключение автор еще раз подчеркивает стратегическую роль Пакистана во внешней политике КНР. Обозначая, что дальнейшее развитие китайско-пакистанского сотрудничества позволит Китаю успешно отстаивать свои экономические интересы на Ближнем Востоке, С.М. Чазиза, тем не менее, обращает внимание на необходимость осторожного подхода к реализации китайских проектов в Пакистане [с. 14–15].

¹ Bhutta Z. (2015, October 1). LNG pipeline, terminal: Govt to decide on Chinese firm's bid in a month // *The Express Tribune*. – 2015, October 1. – Mode of access: <http://tribune.com.pk/story/965384/lng-pipeline-terminal-govt-to-decide-on-chinese-firms-bid-in-a-month/> [Accessed: 20.05.2018.]

СТОБДАН П. ИНДИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: РАЗВЯЗЫВАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ УЗЕЛ¹.

STOBDAN P. India and Central Asia: Untying the energy knot // Strategic analysis. – Abingdon, 2016. – Vol. 40, N 1. – P. 14–25.

Ключевые слова: Индия; Центральная Азия; энергетические ресурсы; геополитика; баланс сил.

Дипломат и эксперт по внешней политике Индии Пхунчок Стобдан (Институт оборонных исследований и анализа, Нью-Дели) анализирует индийскую политику в контексте ее центральноазиатского вектора. С точки зрения энергетических ресурсов Центральная Азия, считает автор, представляет огромный интерес для Индии. Однако успехи Индии на центральноазиатском энергетическом рынке возможны лишь при учете существующего баланса сил в регионе, что также затрагивает интересы России.

П. Стобдан иллюстрирует успех дипломатии премьер-министра Индии Нарендры Моди, достигнутый в ходе его визита в Центральную Азию и участия в Уфимском саммите (июль 2015 г.) следующими примерами. Во-первых, несомненной победой индийской стороны является решение президента Казахстана Нурсултана Назарбаева подписать крупный контракт о возобновлении долгосрочных поставок урана в Индию. Во-вторых, крупнейшая индийская нефтегазовая компания ONGC Videsh Limited (OVL) 7 июля 2015 г. смогла приступить к бурению первой разведочной скважины на блоке «Сатпаев» в Казахстане. В-третьих, визит Н. Моди в Туркменистан и его переговоры с представителями Пакистана в рамках саммита ШОС дали новый импульс обсуждению газопроводного проекта Туркменистан–Афганистан–

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2013. – № 3.

Пакистан–Индия (ТАПИ). Находясь в Ашхабаде, Н. Моди назвал проект ТАПИ «одним из главных направлений» и призвал к его скорейшей реализации, так как «ТАПИ может изменить региональное экономическое сотрудничество и способствовать процветанию по всей протяженности маршрута». П. Стобдан уверен, что визиты Н. Моди в Уфу и Ашхабад, его встречи с президентом России Владимиром Путиным и премьер-министром Пакистана Навазом Шарифом являются частью продуманной стратегии Индии [с. 14]. Это говорит о том, что внешнеполитический курс индийского правительства определяется глобальным и региональным балансом сил.

Индия хорошо осведомлена о наличии в Прикаспийских республиках большого количества углеводородов. Запасы нефти в Казахстане составляют более 30 млрд баррелей, к тому же государство обладает крупными запасами угля и природного газа. Самые крупные месторождения последнего в Центральной Азии находятся в Туркменистане (265 трлн кубических футов, 4-е место в мире). Узбекистан, в свою очередь, располагает 65 трлн кубических футов природного газа. Столь значительные объемы энергосырья, имеющиеся в соседнем регионе, могут утолить «энергетическую жажду» Индии. Именно поэтому, по мнению П. Стобдана, взаимодействие с Центральной Азией становится приоритетным направлением индийской внешней политики в начале 1990-х годов – после обретения странами региона статуса независимых от СССР государств [с. 15].

Рассматривая взаимодействие с Казахстаном, П. Стобдан отмечает, что процесс получения Индией доступа к казахским нефтяным месторождениям является «крайне непростым» [с. 15]. В течение почти двух десятилетий Индия безуспешно пыталась добиться допуска к казахским нефтяным месторождениям. Но руководство Казахстана было больше заинтересовано в сотрудничестве с активизировавшимися в Республике с середины 1990-х годов мировыми «энергетическими акулами», такими как Chevron, Exxon, Unocal. Индия оказалась для Казахстана малозначимым игроком, и ее вытеснили из

большой энергетической игры. Но присутствие более влиятельных компаний на казахском рынке не является единственной и основной причиной индийских неудач. Автор критикует Индию за ошибочные убеждения и излишнюю самоуверенность [с. 15]. Индийское правительство, полагает он, уповало на то, что межгосударственные исторические и цивилизационные связи значительно упростят заключение сделок с казахскими партнерами.

Еще одним приоритетным партнером вместо Индии для Казахстана стал Китай. В 2005 г. Казахстан вытеснил индийскую компанию OVL–Mittal Energy (OMEL) из уже заключенной сделки стоимостью 4,18 млрд долл. на разработку нефтяного месторождения в центральноазиатской республике и перезаключил ее с Китаем на более выгодных условиях, что несомненно стало разочарованием для индийской стороны и заморозило переговорный процесс с казахами до 2009 г. Это также продемонстрировало стратегические просчеты Индии.

В 2009 г. Нью-Дели активизировал дипломатическое взаимодействие с Алма-Атой ввиду стратегической значимости сотрудничества с Казахстаном для обеспечения индийской энергетической безопасности. Индия нуждалась не только в доступе к казахским углеводородам, но и в поставках урана. В ходе визита Н. Назарбаева в Индию во время празднования 60-летия Республики Индия были подписаны Соглашение о принципах между ONGC-OMEL и KMG, а также Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области мирного использования атомной энергии между «Казатомпром» и «Nuclear Power Corporation of India Ltd» (NPCIL).

Только через два года, в апреле 2011 г., во время визита премьер-министра Индии М. Сингха в Астану стороны подписали пакет документов по сделке о передаче доли 25% в проекте «Сатпаев» в пользу индийской компании «ONGC Videsh Limited». Индийцы надеялись, что успех сделки по «Сатпаеву» поспособствует укреплению индийских позиций в казахском углеводородном секторе. Но в 2013 г., к их разочарованию, Н. Назарбаев отклонил сделку с

ONGC по приобретению индийцами 8,4% акций крупной американской компании Conoco Phillips в проекте по разработке нефтяного месторождения Кашаган. Казахстан выкупил долю американского гиганта и продал ее китайской компании. По мнению П. Стобдана, неумелая индийская дипломатия и отсутствие должного интереса с индийской стороны вновь заставили Назарбаева повернуться в сторону Китая [с. 17].

Рассуждая о будущих перспективах, П. Стобдан задается вопросом, хватит ли у индийской OVL упорства, чтобы укорениться в энергетическом секторе Казахстана [с. 17]. Интересно, что OVL отказалась от недавнего предложения Казахстана купить 25% акций нефтяного месторождения Абай, которые в прошлом принадлежали норвежской фирме Statoil. Индийская сторона сочла данное предложение недостаточно привлекательным. Власти Индии сочли более интересным «Евразийский проект», инициированный правительством Казахстана в северной части Каспийского моря.

Пролонгация договора на поставку в Индию 5000 тонн урана в 2015–2019 гг. является, по мнению автора, более значимым результатом центральноазиатского турне Н. Модии, чем достижения по углеводородам [с. 18]. Так, установленное количество концентратов природного урана на экспорт в Индию более чем в 2 раза превышает количество ядерного сырья (2100 тонн), которое Казахстан поставлял по первому контракту в 2009–2014 гг.

По мнению автора, Казахстан всегда с энтузиазмом относился к сотрудничеству с Индией в сфере ядерной энергетики. Он объясняет подобную благосклонность ролью России. Россия прямо и косвенно контролирует атомную энергетику Казахстана – добычу, обогащение и извлечение урана, а также ядерные реакторы. Российская госкорпорация «Росатом» обладает долями в «Казатомпром» на разведку и добычу урана. Подобное положение дел, а также членство Казахстана в возглавляемых Россией международных организациях (СНГ, ОДКБ, ЕЭС), лишает казахское правительство маневренности во внешней политике и обязывает его согласовать

внешнеполитические устремления с Россией. П. Стобдан отмечает, что Россия выступает за поставки урана в Индию, так как они служат компенсационной мерой против монополии Китая на экспорт урана Казахстаном [с.18]. Тем не менее, отмечает автор, сотрудничество между Индией и Казахстаном в сфере использования мирного атома, как и в случае с углеводородами, складывается непросто.

П. Стобдан выделяет ряд причин, по которым энергетические связи Индии с республиками Центральной Азии, особенно с Казахстаном, будут по-прежнему осуществляться с трудом. Несомненно, Россия остается и останется важным фактором доступа Индии к энергоресурсам Центральной Азии. Растущее российско-китайское сближение, решительно направленное на совместное формирование будущего Центральной Азии, означает, что индо-казахское ядерное сотрудничество будут определяться геополитическим климатом. Автор подчеркивает, что в таких условиях политика Индии по снижению роли России в Центрально-Азиатском регионе была ошибкой, которая затормозила прогресс Индии и создала индийской дипломатии дополнительные проблемы в регионе [с. 20]. Кроме того, основные рынки сбыта Казахстана находятся на севере (Россия) и на востоке (Китай). Направления энергетических потоков вряд ли изменятся, так как пересмотр маршрутов поставок (появление южного направления в лице Индии) требует фундаментальных геополитических изменений, что маловероятно в обозримом будущем.

Не менее важно и то, что Индия значительно отстает от своих конкурентов, Китая и России, по объемам инвестиций в регион. Индийские частные компании, несмотря на наличие ресурсов, не проявляют должного интереса к инвестированию в Центральную Азию. Не слишком позитивный прошлый опыт индийских компаний также дестимулирует индийских инвесторов. Неясная правовая и налоговая среда в бывших советских республиках, строгий визовый режим для индийских граждан – все эти

факторы удерживают потенциальных индийских инвесторов от входа на азиатские рынки. Отсутствие у индийцев достаточных знаний о Центральной Азии также является серьезным препятствием на пути к эффективному взаимодействию: в Индии нет специалистов по истории, политике и языкам региона.

Перед индийским правительством остро стоит проблема маршрутизации энергоресурсов. Индийцы считают газопровод, пересекающий Пакистан, крайне рискованной затеей, так как доходы от транзитной пошлины, которую будет получать пакистанское правительство от индийской стороны, могут быть использованы Пакистаном для осуществления террористической деятельности против Индии. П. Стобдан считает, что импорт сжиженного природного газа будет лучшим вариантом для Индии, чем строительство газопровода [с. 22].

Подводя итог, автор соглашается с тем, что на нынешнем этапе индийским правительством достигнут определенный успех в обеспечении доступа к богатым природным ресурсам Центрально-Азиатского региона [с. 23]. Хотя туркменские и казахские запасы природного газа не единственное решение проблемы ресурсного дефицита Индии, они, безусловно, внесут существенный вклад в удовлетворение ее растущих энергетических потребностей. Нежелание Индии получить больший доступ к дешевому газу будет означать, что страна будет по-прежнему использовать уголь как основное энергосырье, что создаст угрозу для окружающей среды.

По мере роста энергетических потребностей Индии, усилится и конкуренция за доступ к линиям поставок, что в свою очередь выведет Индию в центр важных геополитических и энергетических связей, развивающихся в Азии. Ситуация, скорее всего, осложнится после успешного завершения переговоров между Ираном и западными державами.

Хотя Россия идет на сближение с Китаем из-за наложенных на нее западных санкций, по мнению П. Стобдана, этот поворот на Восток может оказаться ситуативным и временным. Автор уверен, что Москва никогда не

сможет игнорировать Индию по той простой причине, что в будущем интересы России и Китая в Центральной Азии с высокой степенью вероятности столкнутся и, соответственно, разойдутся [с. 24].

В.Е. Редько

БУРЭНЖ Л.Г., ТАКУР П., КЕЛКАР Х.К. ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ И ВНУТРИОТРАСЛЕВАЯ ТОРГОВЛЯ В ПРОИЗВОДСТВЕННОМ СЕКТОРЕ ИНДИИ: ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ.

BURANGE L.G., THAKUR P., KELKAR H.K. Foreign direct investment and intra-industry trade in India's manufacturing sector: A causal relationship // Foreign trade rev. – New Delhi, 2017. – Vol. 52, N 4. – P. 203–218.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции; внутриотраслевая торговля; причинность по Грейнджеру; производство.

В статье сотрудников Университета Мумбаи (Индия) на примере Индии анализируются причинно-следственные связи между прямыми иностранными инвестициями (ПИИ) и внутриотраслевой торговлей.

Принятие Индией в 1991 г. Новой экономической политики (НЭП), направленной на либерализацию внешней торговли, способствовало привлечению иностранных инвесторов в экономику страны. Если в 1992 г. доля внешней торговли в ВВП Индии составляла 15%, то в 2013 г. – уже 42%. По итогам 2013 г. Индия заняла второе место по объему притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) среди государств южноазиатского региона (с. 204).

Авторы начинают свою работу с краткого обзора научной литературы по соответствующей проблематике. Упомянув исследования Т. Агмона, Э. Хэлпмана, Дж. Маркузена, Э. Венейблса, Д. Конан и К. Чжанга, а также К. Маскус¹, они отмечают, что все перечисленные специалисты исходили из того,

¹ См. в частности: Agmon T. Direct investment and intra-industry trade: Substitutes or complements? // On the economics of intra-industry trade / Ed. by H. Giersch. – 1979; Helpman E. A simple theory of international trade with multinational

что в условиях совершенной конкуренции ПИИ служат заменой торговли. Соответственно, на несовершенных рынках (с учетом их масштаба, технологических изменений и дифференциации продуктов) ПИИ и торговля должны дополнять друг друга. Таким образом, предполагалось, что ПИИ приведут к росту внешней торговли, особенно внутриотраслевой.

Авторы подчеркивают, что за последнее десятилетие, за исключением работы Б. Голдара и Р. Банги¹, которые проанализировали влияние внутриотраслевой торговли на увеличение притока ПИИ в Индию за период с 1991–1992 по 1997–1998 годы, весомых эмпирических исследований в соответствующей области, учитывающих факт либерализации экономики страны, не появилось. Своей статьей авторы стремятся восполнить этот пробел.

Их исследование основывается на вторичных источниках. Данные о притоках ПИИ в Индию были взяты из «Информационных листов по прямым иностранным инвестициям в Индии» Департамента промышленной политики и поощрения (ДППП) и Министерства торговли и промышленности. Для расчета индекса внутриотраслевой торговли была использована статистика индийского экспорта и импорта, представленная в базе данных Всемирного банка «World-Integrated Trade Solutions». Методологическую основу исследования составил подход причинности по Грейнджеру. Для проверки причинности по Грейнджеру была сформулирована векторная авторегрессионная модель с соответствующими логарифмическими формулами (с. 206–207).

corporations // J. of political economy. – 1984. – Vol. 92, N 3. – P. 451–471; Markusen J.R., Venables A.J., Konan D.E, Zhang K.H. A unified treatment of horizontal direct investment, vertical direct investment, and the pattern of trade in goods and services // Working paper No. 5696, National bureau of economic research, Cambridge. – 1996; Markusen J.R., Maskus K.E. Discriminating among alternative theories of the multinational enterprise // Working paper No. 7164, National bureau of economic research, Cambridge. – 1999.

¹ Goldar B., Banga R. Impact of trade liberalization on foreign direct investment in Indian industries // Working paper series No. 36, Asia-Pacific research and training network on trade, United Nations. – Mode of access: <http://artnet.unescap.org/publications.html#second> [Accessed: 30.03.2018]

Эмпирические результаты своего исследования авторы делят на два блока: относящиеся к производственному сектору в целом и к отраслевому уровню.

Тест Грейнджера для всего производственного сектора продемонстрировал однонаправленную причинность от внутриотраслевой торговли до ПИИ. Проведя анализ отдельных отраслей по модели коррекции ошибок вектора, авторы пришли к выводу, что существует долгосрочная, равновесная связь между ПИИ и внутриотраслевой торговлей для этих отраслей. Также они отмечают, что существует двунаправленная причинно-следственная связь между ПИИ и внутриотраслевой торговлей для таких отраслей, как производство текстильных изделий, производство неметаллических минеральных продуктов и производство некоторых видов машин и оборудования. При этом в краткосрочной перспективе результаты анализа по модели коррекции ошибок вектора не подтверждают существования причинности ПИИ и внутриотраслевой торговли.

В итоге авторы приходят к выводу о том, что данные проведенного исследования согласуются с эмпирическим представлением о том, что ПИИ усиливают внутриотраслевую торговлю. Политика, направленная на стимулирование ПИИ в производственный сектор, будет полезна для повышения доли внутриотраслевой торговли в экономике.

А.А. Герасимов

ТОД СТЮАРТ ВАН ГУНТЕН. СПЛОЧЕННОСТЬ, КОНСЕНСУС И КОНФЛИКТ: ТЕХНОКРАТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В МЕКСИКЕ И АРГЕНТИНЕ¹.

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2017. – № 4. – С. 112–117.

VAN GUNTEN S. Cohesion, consensus, and conflict: Technocratic elites and financial crisis in Mexico and Argentina // Int. j. of comparative sociology. – 2016. – Vol. 56, N 5. – P. 1–25.

Ключевые слова: сплоченность; конфликт; финансовый кризис; политические реформы; государственные структуры; Мексика; Аргентина.

Исследователи, которые специализируются на изучении процессов планирования и разработки экономической политики в развивающихся странах, склонны утверждать, что *консенсус* и *сплоченность* внутри технократических политических элит заметно облегчают реализацию реформ, однако, какого-либо четкого определения этих двух терминов (как впрочем и описания существующей между ними взаимосвязи) они зачастую не предлагают. Аналогично, большинство специалистов в области политической социологии не уделяют должного внимания рассмотрению релевантных структурных особенностей формируемых элитами социальных сетей. В рамках настоящей статьи Тод ван Гутен (Институт изучения обществ им. Макса Планка, Кёльн, Германия) пытается заполнить обозначенные выше смысловые лакуны, прояснив различие между консенсусом, как выражением политической воли властных группировок, и структурно обусловленной сплоченностью, и продемонстрировав, как именно изменения в уровне сплоченности элит могут сказаться на выработке стратегии государственного развития. Для проверки гипотезы о том, что фрагментированность элитарных сетей препятствует адекватному и своевременному реагированию государства на внешние и внутренние вызовы и угрозы, автор проводит сравнительный анализ двух «кейсов», сопоставляя модели поведения властных кругов Мексики и Аргентины в условиях финансового кризиса (1994 и 2001 гг., соответственно) [с. 1–2].

Описывая особенности финансового кризиса в Мексике, Т. ван Гутен опирается на работу лауреата премии Американской социологической

ассоциации по специальности «Экономическая социология» 2004 г. Сары Бэбб¹. В качестве основных причин «мексиканского кризиса» он перечисляет следующие факторы. Во-первых, в канун президентских выборов 1994 г. заметно осложнилась политическая обстановка в стране. Реакция мексиканской биржи на соответствующие изменения принесла ей последнее место в списке 24 крупнейших бирж мира. Падение акций предприятий вызвало перекачивание средств на рынок ценных бумаг с фиксированными доходами и отток капиталов из страны. Во-вторых, ввиду сокращения притока инвестиций правительство предприняло ряд экстренных мер, в числе которых было повышение процентных ставок по государственным облигациям и перевод большей части внутренних краткосрочных долговых обязательств на краткосрочные государственные облигации, индексированные к доллару. Однако индексация задолженности обернулась ростом государственного долга. В-третьих, было принято решение отказаться от привязки национальной валюты к доллару, что незамедлительно привело к девальвации и обесцениванию гособлигаций, успевших стать важным инструментом экономики Мексики. Таким образом финансовый кризис в Мексике выявил целый ряд системных недостатков ее экономики, в частности, зависимость от США и отсутствие механизмов регулирования внешних финансовых потоков.

В целом, отмечает автор, между финансовыми кризисами Мексики (1994) и Аргентины (2001) имеется некоторое структурное сходство: негативное влияние привязки национальной валюты к доллару США проявилось и в «аргентинском кейсе». Помимо этого, значимую отрицательную роль сыграли неудачно проведенная приватизация государственного имущества и освобождение иностранных предпринимателей от налогов на срок до 25 лет. Также следует отметить, что незадолго до начала дефолта в конце 2001 г. Международный валютный фонд (МВФ) отказал Буэнос-Айресу в помощи по выдаче кредитов на погашение прежних государственных долгов. Резюмируя,

¹Babb S. *Managing Mexico: Economists from nationalism to neoliberalism.* – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 2001.

Т. ван Гутен утверждает, что «аргентинский кризис» был обусловлен совокупным действием таких факторов, как: проведение ошибочной бюджетной политики; отсутствие гибкости цен и зарплат, не сочетавшихся с фиксированным обменным курсом национальной валюты; серьезные внешние шоковые воздействия и политическая нестабильность.

Однако несмотря на ряд общих черт, между двумя рассматриваемыми кризисами имелось, минимум, одно принципиальное различие: меньший уровень сплоченности технократических элит в Аргентине. Соответственно, «аргентинский кризис» оказался значительно более драматичным. Цитируя американского политолога Эдуардо Даржана, автор подчеркивает, что: «мексиканская бюрократическая элита была в состоянии поддерживать консенсус, вести диалог по различным вопросам в сфере экономики, в то время как политика Аргентины пострадала от внутренних конфликтов, нашедших отражение в многочисленных отставках в министерствах и Центральном банке страны»¹. Соглашаясь с американским экспертом Гленом Биглейзером, Т. ван Гутен указывает, что: «политические институты, которые доминировали в Мексике на протяжении большей части двадцатого века, способствовали формированию сплоченной элиты»² [с. 3–10].

Структура элитарных сетей, с точки зрения автора настоящей статьи, во многом определяет те формы противодействия кризисным ситуациям, что выбирают власть предержащие. Сплоченность мексиканской элиты позволила сосредоточить все механизмы социального контроля в руках интегрированной группы технократов, сохранить достигнутый консенсус и единство политической линии вопреки всем неудачам и активной критике извне. Напротив, политика, осуществлявшаяся аргентинской элитой, носила крайне

¹Dargent E. *Technocracy and democracy in Latin America: The experts running government.* – Cambridge: Cambridge univ. press, 2014.

²Biglaiser G. *Guardians of the Nation? Economists, generals and economic reform in Latin America.* Notre Dame: Univ. of Notre Dame press, 2002.

непоследовательный характер, вследствие структурной разобщенности властных кругов.

Используя методологию кросс-национального сравнительного анализа, автор выявляет механизмы, определяющие связь между типом сетевой структуры и характером формирования консенсуса. В той степени, в какой группы технократов, определяющих политический курс, демонстрируют сплоченность, два основных механизма обеспечивают элитам условия сотрудничества: уважение и диалог. Уважение интерпретируется автором как готовность индивидов «подчинить свои желания коллективным ожиданиям в расчете на ... обретение долгосрочных рыночных преимуществ [что возникают] на основании принадлежности к группе» [с. 4]. Эти долгосрочные преимущества имеют как материальное (например, возможность карьерного роста), так символическое выражения (в частности, идентификация, связанная с членством в группе). Диалог рассматривается в статье как устойчивая, мультинаправленная коммуникация, ведущая к коллективному (чаще, чем индивидуалистическому) формированию предпочтений. И уважение, и диалог облегчают сотрудничество в процессе принятия политических решений, помогая элитам приходиться к консенсусу.

В отсутствие внутреннего консенсуса элит, политический процесс приобретает оппортунистический характер. Отдельные лидеры или фракции стремятся навязать собственную точку зрения, представляя поле политического взаимодействия в терминах «игры с нулевой суммой». Подобная тотальная сфокусированность на победе в межпартийной борьбе препятствует выработке согласованной стратегии выхода из кризиса [с. 10–17].

В заключительной части статьи автор приводит альтернативные объяснения выявленных им закономерностей.

Во-первых, отмечает он, структура элитарной сети может рассматриваться не в качестве независимой переменной, определяющей политический консенсус, а как отражение лежащих в ее основе политических

институтов, таких как политический режим и партийная система. Ангажированные политические акторы склонны назначать «лоялистов», а не независимых технократов. Следовательно, различия в уровне внутренней конфликтности элиты могут объясняться колебаниями интенсивности межпартийной конкуренции. До 2000 г.в Мексике сохранялся относительно стабильный, полуавторитарный режим, с доминирующей Институционно-революционной партией. Аргентина, в свою очередь, несмотря на продолжительный период военной диктатуры, в 1983 г. перешла к системе конкурентной (а на практике – хаотичной) демократии, характеризующейся постоянным чередованием стоящих у руля власти политических партий. Эти институциональные особенности, несомненно, сказались на характере структуры элитарных сетей. Однако автор не видит прямой связи между трансформацией политических институтов и консенсусом внутри элиты. В частности, подчеркивает он, уровень сплоченности элиты и степень консенсуса в Мексике менялись, в то время как политические институты оставались неизменными [с. 17–18].

Второе возможное объяснение акцентирует фактор общности экономического видения и профессиональной подготовки политических элит в формировании консенсуса. Многие аналитики утверждают, что растущее влияние менеджеров-технократов, в особенности выпускников элитарных экономических факультетов США, способствует формированию прорыночного политического консенсуса в развивающихся странах (С. Бэбб; Дж. Чвьерох¹). Таким образом, более высокий уровень консенсуса в Мексике может объясняться общим профессиональным бэкграундом политической элиты, и, в частности, доминированием в ней экономистов, получивших образование в США. Тем не менее, ссылаясь на эмпирические данные, автор утверждает, что

¹ Babb S. *Managing Mexico: Economists from nationalism to neoliberalism.* – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 2001; Chwieroth J.M. (2007) *Neoliberal economists and capital account liberalization in emerging markets* // *Int. organization.* –2007. – N 61. – P. 443–463.

хотя специфика полученного образования сказывается на политических предпочтениях, общность профессиональной подготовки не является тем фактором, что лежит в основе консенсуса элит [с. 18–19]. Аналогично, ставится под сомнение объяснительная модель, редуцирующая политические предпочтения различных технократических элит до интересов определенных секторов бизнеса [с. 20–21].

Поводя итог всему вышесказанному, автор еще раз подчеркивает, что именно структурная сплоченность элитарных сетей лежит в основе политического консенсуса, и пренебрежение анализом структуры социальных отношений снижает прогностический потенциал исследований по соответствующей проблематике.

Л.Р. Гудова

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

СЕО Х., ЭБРАГИМ Х. ВИЗУАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА В ФЕЙСБУКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА¹.

SEO H., EBRAHIM H. Visual propaganda on Facebook: A comparative analysis of Syrian conflicts // Media, war & conflict. – L., 2016. – Vol. 9, N 3. – P. 1–25.

Ключевые слова: Фейсбук; информационная система; социальные сети; сирийский конфликт; визуальное оформление; визуальная пропаганда.

Анализируя изображения, размещенные на официальных страницах в Facebook президента Сирии Башара аль-Асада и сирийских оппозиционных сил в 2013 и 2014 гг., Хенжин Сео и Хусейн Эбрагим (оба из Канзасского университета, США) определяют сходства и различия в пропаганде противоборствующих сторон. Авторы показывают, что платформы социальных сетей стали играть ключевую роль в распространении пропагандистских образов и донесении политической позиции во время конфликтов.

Визуальный контент уже давно является важной частью любой коммуникации: политической, социальной, международной, бизнес-коммуникации. Информационные агентства, правительственные учреждения и бизнес стремятся оптимизировать визуальный контент для эффективной коммуникации [с. 2]. На этом фоне популярные социальные сети, такие как Facebook и Twitter, служат в качестве важных медиа-платформ, где во время конфликта, политические акторы могут обмениваться изображениями, которые являются частью их пропаганды. Социальные сети позволяют сторонам конфликта напрямую общаться со своими целевыми аудиториями, не используя

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2018. – № 3.

при этом традиционных посредников, например, СМИ. По мнению авторов, роль визуальной пропаганды в социальных сетях стала более значимой и широко распространенной.

В первой части статьи, авторы рассматривают теоретическую сторону вопроса. Они объясняют такие понятия, как визуальная пропаганда и фрейминг, определяют роль пропаганды в эпоху социальных сетей и рассматривают значение социальных сетей в сирийском конфликте.

Х. Сео и Х. Эбрагим подчеркивают, что визуальные образы уже давно являются ключевыми компонентами пропаганды. В статье упоминается пример, как Исламское государство (ISIS)¹ в 2014 году размещало видеоролики в Интернете, на которых было запечатлено обезглавливание граждан западных стран. В этих видео визуальная составляющая использовалась для того, чтобы вызвать у людей чувства «благоговения и уважения» и «страха перед мощью организации». Таким образом, авторы статьи отмечают, что *визуальные образы* максимизируют желаемые эффекты, помогая вызывать эмоции, необходимые для убеждения [с. 3]. В связи с этим авторы исследуют *визуальные эффекты* (visuals) как важный аспект пропаганды.

По мнению Х. Сео и Х. Эбрагима, при изучении визуальной пропаганды важно учитывать *инструменты фрейминга*², используемые для повышения убедительности сообщения. Авторы поясняют, что *фрейминг*³ означает

¹ Террористическая группировка, запрещенная в России.

² Инструменты фрейминга (англ. *framing devices*) характеризуют происшествие. Инструменты фрейминга включают в себя: источники (все лица, которые были процитированы в тексте); ключевые слова (те, что появляются в заголовке, а затем повторяются в тексте; слова, имеющие большую «видимость» из-за их размещения в тексте или культурного резонанса с аудиторией); метафоры; основание (лицо или группа лиц, которые идентифицируются как причина проблемы или её решения). – *Прим. реф.*

³ Согласно Роберту Энтману, фрейминг означает «выбирать определенные аспекты реальности и делать их более заметными в коммуникативном тексте, популяризируя таким образом определенную трактовку проблемы, интерпретацию её причин, моральную оценку и возможное её решение». – *Прим. реф.*

способность пропагандистов влиять на то, как аудитория понимает ту или иную проблему с учетом того, как они представляют ей эту проблему. Важными аспектами фрейминга являются структуры нарративов или сюжетных линий, поскольку они помогают создавать и определять проблемы, используя существенные аспекты социальной реальности, которые уже поняты аудиторией.

В связи с этим, фреймы¹ могут играть жизненно важную роль в активизации оппозиции или для освещения проблемы, представляя конкретную идеологию. В общем фреймы могут управлять тем, как люди понимают мир и, следовательно, формировать у этих людей определенные суждения. Визуальные эффекты играют значительную роль в представлении проблемы таким образом, что именно одни аспекты будут являться важными, а другие нет [с. 3].

Авторы статьи подчеркивают, что на методы пропаганды значительно повлияло развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В этом контексте появление социальных медиа является особенно актуальным. У Facebook более чем один миллиард активных пользователей, у Twitter – 320 миллионов по всему миру [с. 4]. По мнению авторов, эти социальные сети являются важными платформами для внутренней и международной политической деятельности, в том числе для ведения информационных войн. Мировые лидеры стали понимать, что каждое их действие критически рассматривается на этой новой арене, и как политические акторы, они корректируют свою позицию и политику, чтобы максимально воздействовать на аудиторию в своих целях.

¹ Фрейм (от англ. «frame» – «рамка») – контекст рассмотрения любого объекта, с помощью которого можно менять оттенок восприятия этого объекта. – *Прим. реф.*

В качестве примера авторы статьи рассматривают «арабскую весну»¹, в ходе которой социальные сети помогли активистам мобилизовать граждан, организовать акции протеста, объединиться с единомышленниками в соседних странах. Именно социальные сети стали каналами коммуникации для активистов и граждан, которые смогли выразить недовольство по поводу существующего статус-кво и злоупотребления властью со стороны политических лидеров в их стране. Однако социальные сети использовали не только оппозиционеры, но и диктаторы, которые понимали, что в информационной войне социальные медиа играют особую роль. Например, с начала народных восстаний против режима президента Сирии Башара аль-Асада в 2011 году, как сирийская оппозиция, так и режим Асада активно использовали многочисленные социальные медиа-каналы, включая Facebook, Twitter, Instagram и YouTube, для противодействия друг другу и освещения их повестки дня в пределах и за пределами страны.

По состоянию на март 2015 г. была выявлена дюжина активных аккаунтов в Facebook, которые претендовали на роль официальных страниц сирийской оппозиции под такими названиями, как «Национальная коалиция сирийских революционных и оппозиционных сил», «Сирийский национальный совет» и «Местная координация комитетов Сирии» [с. 6]. Когда режим Башара Асада усилил запрет на освещение в прессе ситуации в стране и усилил цензуру, активисты сирийской диаспоры поддержали усилия оппозиции, начав кампанию по размещению в социальных сетях историй о страданиях местного населения. Признавая важность социальных сетей как инструмента контроля над гражданами и своим имиджем за пределами страны, правительство президента Сирии также сосредоточилось на этих новых каналах коммуникации, создавая учетные записи в социальных сетях.

¹ «Арабская весна» – протестные политические движения в некоторых странах Ближнего Востока и Северной Африки, таких как Тунис, Египет и Сирия, начавшиеся после 2010 г. – *Прим. реф.*

Во второй части статьи, авторы рассматривают методы анализа изображений. Они исследуют содержание изображений, размещенных на официальной странице президента Сирии Башара аль-Асада в Facebook и на странице сирийской оппозиции. Х. Сео и Х. Эбрагим разрабатывают категории кодирования (coding categories)¹ на основе своих исследований. Ими были выделены следующие категории кодирования по основным темам, зашифрованным в изображениях: *победа; угрозы со стороны врага; жертвы среди гражданского населения или военных; ущерб; единство; человечество; другие категории* [с. 8].

Например, фотографии в Facebook, на которых изображено, как правительственная сирийская армия расправляется с оппозиционными силами, попадает в категорию «победа». Категории «угрозы со стороны врага» соответствуют военные возможности противника, такие как использование химического оружия или ракет, а также запросы лидеров на получение внутренней или международной поддержки для проведения военных операций. Категория «жертвы среди гражданского населения» была применена к изображениям смерти, ранений и мучений мирных жителей. Категория «ущерб» относится к изображениям инфраструктуры, которая была разрушена противником. Категория «единство» относится к изображениям, нацеленным на укрепление солидарности с иностранными союзниками, а также с внутренними военными, политическими и гражданскими силами. Категория «человечество» обобщает изображения, демонстрирующие усилия, направленные на защиту мирных жителей. Также авторы статьи отмечают, что каждое изображение или сообщение в целом было направлено либо на внутреннюю, либо на международную аудиторию [с. 8–9].

Затем для анализа типов пропагандистских фреймов в фотографиях с Facebook Х. Сео и Х. Эбрагим выделяют еще три категории: *открытое* (overt)

¹ Кодирование – доведение замысла (идеи) отправителя до получателя; обеспечение такой интерпретации сообщения получателем, которая адекватна замыслу отправителя. – *Прим реф.*

против *закрытого* (covert), *аналитическое* (analytical) против *эмоционального* (emotional) и *персонафицированный? интерес* (human interest) против *неперсонафицированного интереса* (nonhuman interest) [с. 9].

Открытый фрейм встречается в изображениях, которые явно нацелены на продвижение повестки дня одной из конфликтующих сторон или на обвинение другой стороны, обозначаемой «силами зла» и агрессором, в кризисе и хаосе. Например, на своей странице в Facebook сирийская оппозиция выкладывала изображения, доказывающие связь между режимом Асада и Исламским государством. В *закрытом фрейме* повестка дня обеих сторон, наоборот, продвигается неявно. Авторы ссылаются на пример с изображением президента Сирии, получившее похвалу и поддержку от сирийских граждан и иностранных лидеров.

Аналитический фрейм встречался в изображениях, которые были сосредоточены на фактах, статистических данных или аналитической интерпретации того, как одна из сторон защищает сирийский народ, в то время как другая сторона наносит ущерб Сирии. Для сравнения, *эмоциональный фрейм* обнаруживается в изображениях, которые должны вызывать сострадание к своей стороне и враждебность к противнику.

Наконец, *персонафицированный фрейм* в изображениях был использован для того, чтобы акцентировать внимание на конкретных людях, которые страдают от нападений противника, а также для того, чтобы пользователи Facebook ассоциировали себя с этими людьми и их историями.

В третьей части статьи авторы отвечают на вопросы, которые были представлены в первой части, и анализируют результаты исследования. Результаты исследования Х. Сео и Х. Эбрагима основаны на анализе содержания 214 изображений, которые были выложены президентом Сирии на своей странице Facebook, и содержания 119 изображений, которые были размещены на странице сирийской оппозиции с 1 апреля 2013 г. по 30 сентября 2014 г. Из 214 изображений на странице президента Сирии, 54,2% –

фотографии, 40,7% – видео и 5,1% – графические иллюстрации. В то время как из 119 изображений на странице оппозиции около 44,5% – фотографии, 44,5% – графические иллюстрации и всего лишь 10,9% – видео.

Отвечая на первый вопрос исследования «как изображения, размещенные на странице в Facebook президента Сирии, отличались от тех, что были размещены на странице сирийской оппозиции, если говорить об основных темах?», авторы приходят к следующим выводам. Категория «*единство*» (31,8%) была основной темой среди изображений, размещенных на странице Facebook президента Сирии. За ней идет категория «*человечество*» (19,2%), на третьем месте «*угрозы со стороны врага*» (16,4%), а категория «*победа*» (15,9%) занимает четвертое место [с. 10].

Такое соотношение связано с тем, что режим Асада подчеркивал тему «*единства*» в социальных сетях, так как удержание власти было основной заботой главы государства на фоне усилий по его отставке, которые предпринимали оппозиция и международное сообщество в 2013 и 2014 гг. К тому же, изображения, относящиеся к категории «*единство*» на странице президента Сирии, получили наибольшее количество лайков и репостов, вероятно, потому что люди, поддерживающие сирийского президента, хотели показать свою приверженность режиму Асада. Для сравнения на странице сирийской оппозиции в Facebook основными темами были «*угрозы со стороны врага*» (29,4%) и «*жертвы среди гражданских или военных*» (25,2%) [с. 11]. Это связано с тем, что оппозиционная группа подчеркивала военные угрозы, исходящие от режима Асада, и мучения оппозиционных сил и гражданских лиц. В частности, в 2013 году сирийская оппозиция размещала довольно много фотографий сирийских детей, предпологаемо убитых в результате применения силами Асада химического оружия.

Изображения под категорией «*угрозы со стороны противника*» вызывали высокий отклик у посетителей страницы сирийской оппозиции, так как те, кто поддерживает оппозицию, хотели тем самым подчеркнуть, что чувствуют

себя угнетенными режимом Башара Асада. Они также активно реагировали на изображения категории «жертвы среди гражданского населения». Помимо того, что большинство изображений было направлено на выявление зверств режима Асада, сирийская оппозиция также подчеркивала важность того, чтобы народ Сирии и активисты работали вместе для победы над режимом, размещая в сети изображения, относящиеся к категории «единства» (13,4%) и «победы» (13,4%) [с. 11]. Авторы статьи обращают внимание на то, что, используя эти категории, обе стороны фокусировались на внутренних проблемах страны.

Около 60,3% изображений на странице президента Сирии касались внутренних аспектов, а 39,7% охватывали международные или дипломатические аспекты. Из изображений, размещенных на странице сирийской оппозиции, 73,1% были связаны с внутренней ситуацией, а 26,9% с вопросами, касающимися международного сообщества [с. 11].

По мнению авторов статьи, одной из главных причин, по которой Асад фокусировался на международных или дипломатических вопросах больше, чем сирийская оппозиция, стало то, что он провел ряд встреч с иностранными лидерами после переизбрания в 2014 г. Асад одержал убедительную победу, получив 88,7% голосов в ходе выборов, которые во время войны, по заявлениям критиков режима, были проведены только в районах, контролируемых силами Асада [с. 11].

Второй вопрос, поставленный авторами, звучал следующим образом: «Какие виды пропагандистских фреймов были использованы в изображениях, размещенных на страницах двух сторон в Facebook?». Как уже было описано ранее, авторы статьи выделяют три категории, которые использовались при анализе типов пропагандистских фреймов.

По результатам исследования Х. Сео и Х. Эбрагима, доля изображений на странице сирийской оппозиции, которые проявляли *открытый фрейм*, была значительно выше (62,2%), чем доля таких же изображений на странице президента Сирии (36,9%) [с. 11].

Прослеживается также статистически значимая разница между двумя страницами с точки зрения *аналитического / эмоционального фреймов*. Доля изображений *эмоционального фрейма*, которые были размещены на странице сирийской оппозиции (60,5%), превышает долю таких же изображений на странице Асада (43,5%).

Анализ страницы Асада показал более высокую пропорцию изображений с использованием *аналитического фрейма* (56,5%). Это объясняется тем, что сирийская оппозиция на своей странице, описывая ситуацию в Сирии, подчеркивала огромные потери среди мирного населения. Изображения граждан Сирии, которые плачут над телами своих родственников и друзей, были сильно эмоционально заряжены. Для сравнения, значительная часть изображений, которые публиковались на странице президента Сирии, была связана с интервью президента сирийским или зарубежным СМИ, где он аргументировано объяснял, почему он должен оставаться лидером страны.

Большинство изображений с *фреймом «персонафицированный? интерес»* на странице Асада относились к историям сирийских солдат, которые были ранены или убиты во время борьбы с сирийскими оппозиционными силами. Для сравнения сирийская оппозиция на своей странице использовала тот же самый фрейм, чтобы подчеркнуть гнет сирийского режима и страдания граждан Сирии. Так или иначе, изображения с *эмоциональным фреймом* и *фреймом «персонафицированный интерес»* получили наибольший отклик у аудитории на обеих страницах.

Отвечая на третий вопрос исследования «как различные типы категорий и фреймов, проанализированные на основе изображений в Facebook, были связаны с реакциями аудитории на эти изображения?», Х. Сео и Х. Эбрагим выявили следующее. На странице президента Сирии изображения категории кодирования «*жертвы среди мирного населения*» получили наибольшее количество лайков, комментариев и репостов по сравнению со всеми

остальными категориями. Второе место заняла категория «единство», но, в тоже время, категория «человечество» была второй по количеству репостов.

На странице оппозиции наибольшую реакцию со стороны аудитории получили изображения категории «жертвы среди мирного населения» и «угрозы со стороны врага». В частности, изображения, показывающие «жертв среди гражданского населения» получили больше лайков, репостов, а категория «угрозы со стороны врага» получила наибольшее количество комментариев. Категория «ущерб» оказалась на втором месте по количеству репостов. Это связано с тем, что те, кто следят сразу за двумя сторонами конфликта, наиболее активно реагируют на изображения категории «жертвы среди мирного населения». Эти изображения часто были эмоциональными, и люди, комментируя или делая репост этих изображений, таким образом выражали свою поддержку.

С точки зрения типов фреймов и реакции аудитории на них, изображения, которые использовали *эмоциональный фрейм*, или *фрейм «персонифицированный интерес»* получили значительно больший отклик на обеих страницах сторон. Данные страницы различались также с точки зрения реакции аудитории на *открытый и закрытый фреймы*. На странице президента Сирии *закрытый фрейм* вызывал больше реакции, чем *открытый*. В отличие от этого на странице оппозиции *открытый фрейм* был более популярен, чем *закрытый*.

В заключение авторы статьи отмечают, что благодаря социальным медиа двусторонняя коммуникация между пропагандистами и общественностью стала более распространенной. На примере пропаганды в Facebook двух конфликтующих сторон в Сирии авторы делают вывод, что правительство использовало визуальные эффекты для укрепления своей позиции, показывая, что президент Асад – бесстрашный лидер, защищающий своих людей, и что жизнь продолжает идти своим чередом на всей территории Сирии. Сирийская оппозиция в свою очередь использовала различные изображения, чтобы

продемонстрировать жестокость и страдания сирийских мирных жителей из-за режима Асада.

Е.Ф. Щетинина

ЖУКОВА Е. ОТ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ К КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЕ: ВОСПРИЯТИЕ АВАРИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И НА УКРАИНЕ¹.

ZHUKOVA E. From ontological security to cultural trauma: The case of Chernobyl in Belarus and Ukraine // Acta sociologica. – 2016. – Vol. 59, N 4. – P. 332–346.

Ключевые слова: *культурная травма; прошлое; онтологическая безопасность; онтологическая неуверенность; Чернобыль; СМИ.*

Автор настоящей статьи Екатерина Жукова (Университет Орхуса, Дания) на основе сравнительного анализа реакции украинской и белорусской общественности на аварию на Чернобыльской АЭС (ЧАЭС) раскрывает специфику работы механизма трансформации онтологической безопасности в онтологическую неуверенность, а после – в культурную травму.

Чернобыльский реактор, как образно отметил У. Бек, был не просто «коммунистическим», а «глобальным»². Именно поэтому произошедшая в 1986 г. техногенная катастрофа была так остро воспринята всем международным сообществом. Круг причастных оказался несоизмеримо шире круга непосредственно пострадавших. Авария на Чернобыльской АЭС явилась травматическим событием, вызвавшим негативные эмоциональные состояния различной продолжительности и интенсивности не только у жителей загрязнённых территорий. Испытанные сильнейшее напряжение, стресс,

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2018. – № 3.

² Beck U. The anthropological shock: Chernobyl and the contours of the risk society // J. of sociology. – Berkeley, 1987. – Vol. 32. – P. 158.

тревога за жизнь и здоровье, растерянность и страх, ощущение беспомощности, невосполнимости потерь, резко изменили жизнь многих людей. Катастрофа не закончилась апрелем 1986 г. Что характерно, степень социально-психологической травматизации пострадавших определялась не только объективными показателями. Так, в результате чернобыльской аварии Белоруссия столкнулась даже с более серьезными негативными последствиями, чем Украина: в три раза больше загрязненной территории (23% против 7%) и в пять раз больше пострадавшего населения (35% против 7%). Причем, если на Украине действовало пять АЭС (Запорожская, Ровенская, Хмельницкая, Южно-Украинская, Чернобыльская), то в советской Белоруссии работающих АЭС не было вовсе. Однако основной группой-носителем культурной травмы Чернобыля стало именно украинское общество.

Е. Жукова указывает, что государства переходят от онтологической безопасности, которую она вслед за Э. Гидденсом определяет как ощущение надежности людей и вещей, предсказуемости повседневной жизни, к онтологической неуверенности в ситуации слома ранее установленных социальных рамок. Автор разделяет представление А. Кроликовски о приоритетной роли государства в обеспечении онтологической безопасности своих граждан¹. В основе онтологической безопасности советского народа до Чернобыля лежало подкрепляемое соответствующими социальными ритуалами доверие к выработанной за долгие годы идеологии. «Критическая ситуация» Чернобыля обернулась радикальным разрывом прежних схем коммуникации и разрушением сложившейся ранее институциональной структуры социального взаимодействия². Возникшая в результате травма носила характер не социальный, а коллективный, т.е. затронула не только определенную профессиональную группу, но стала ударом по основам общественной жизни,

¹ Krolkowski A. State personhood in ontological security theories of international relations and Chinese nationalism: a sceptical view // Chinese j. of int. politics. – 2008. – Vol. 2, N. 1. – P. 125.

² Giddens A. (1986) The constitution of society: Outline of the theory of structuration. – Oakland, CA: Univ. of California press, 1986. – P. 61.

разъединившим людей и лишившим их чувства общности. Чернобыльская трагедия была многократно усилена фактом последующего крушения коммунистической идеологии, т.е. тех самых рамок, которые консолидировали советское общество и обеспечивали преемственность поколений. Однако, поясняет автор, апеллируя к работам Р. Айермана, культурная травма, будучи как правило, связана с каким-либо драматическим инцидентом и, соответственно, с социальной и коллективной травмой, проявляется лишь при условии, что указанные события артикулируются в общественно-политическом дискурсе как травматические¹[с. 333–337]. Разграничивая продолжающуюся и ретроспективную культурные травмы, Е. Жукова отмечает, что первая чаще всего конструируется оппозиционно настроенными неформальными сообществами, в частности – интеллигенцией, в ситуации, когда власти тоталитарного государства оказываются беспомощными перед лицом случившейся катастрофы и маскируют свою беспомощность умолчанием. В свою очередь, ретроспективная травма может возникнуть в транзитных обществах, где возрастает роль СМИ как фактора формирования новой политической культуры. В этом случае онтологическая неуверенность перерастает в ретроспективную травму за счет того, что лица, имеющие доступ к медиа-ресурсам, определяют виновных, вспоминая, что происходило в прошлом, и связывая прошлое с настоящим. Различные способы конструирования ретроспективной культурной травмой автор иллюстрирует на примере *проживания* чернобыльской трагедии в Республике Беларусь (РБ) и на Украине [с. 337–340].

Е. Жукова отмечает, что в РБ с ее подконтрольными государству СМИ и пророссийски настроенным населением, в первые годы независимости политическая элита предприняла не так много попыток возложить ответственность за Чернобыль исключительно на официальную Москву. В 1990-х гг. в национальных СМИ было опубликовано лишь две статьи,

¹ Eyerman R. (2013) Social theory and trauma // Acta sociologica. – 2013. – Vol. 56, N 1. – P. 43.

напрямую осуждавшие советское руководство. Однако в 2000-х гг. количество подобного рода статей возросло до десяти, причем больше всего обвинений (семь статей) последовало с 2001 по 2006 гг., т.е. между 15-й и 20-й годовщинами аварии на Чернобыльской АЭС. Союзному центру поставили в вину подавление критической точки зрения среди зависимых, работающих в отрасли людей, а также игнорирование опыта ликвидации подобного рода аварий. Но данные претензии были озвучены только в трех статьях 2000-х гг. В восьми статьях советская система осуждалась за сокрытие информации об истинных масштабах аварии на ЧАЭС, отсутствие эффективных мер против мародерства в зоне отчуждения, невнимание к последующей судьбе и здоровью ликвидаторов аварии на ЧАЭС.

Новая независимая Украина, взявшая курс на сближение с Западом, значительно активнее работала над созданием обвинительного нарратива о роли Москвы в чернобыльской катастрофе. В 35 опубликованных в период с 1994 по 2014 гг. в официальных украинских СМИ статьях советское руководство обвинялось, как в самой трагедии, так и в халатности при ликвидации ее последствий. Помимо традиционного сюжета о «подконтрольной государству экспертизе» буддировались темы отсутствия профессионализма у возвращенных загнивающей советской системой атомщиков, эксплуатации подчиненного и зависимого украинского народа русским [с. 341].

Возложение ответственности за Чернобыль на советское государство в рамках конструирования ретроспективной культурной травмы ЧАЭС стало еще одним инструментом символического противопоставления прежних заидеологизированных лидеров тоталитарного государства новым демократически ориентированным политическим деятелям. Идеалы советского прошлого были опрокинуты ценностями переходного периода. Тот факт, что официальные украинские СМИ в три раза чаще, чем белорусские медиа публиковали статьи, осуждавшие Москву в контексте аварии на ЧАЭС, автор объясняет тем, что в советское время РБ пережила экономический и

культурный подъем, и соответственно, в первые годы независимости советское прошлое не вызывало у населения резкого отторжения. Большинство комментариев по чернобыльской теме последовало только в 2000-х гг. в связи с запоздалым строительством белорусской государственности. В конечном итоге официальные белорусские издания все же представили Москву ответственной за первоначальное бездействие в Чернобыле, однако это было продиктовано желанием переосмыслить общую с Россией историю, а не стремлением максимально дистанцироваться от этой общности (как было сделано на Украине). В то время, как власти РБ рассматривали СССР как важную составляющую идентичности нового государства, украинские элиты стремились представить советское государство некой насажденной сверху структурой.

Е. Жукова обращает внимание на то, что лейтмотивом обвинительных статей как на Украине, так и в Республике Беларусь стало указание на халатность, проявленную властями при ликвидации последствий аварии, а не на их неспособность взрыв предотвратить (8 против 3 статей в РБ и 29 против 12 статей на Украине, соответственно). Таким образом, заключает автор, если бы советское правительство не предприняло попыток по сокрытию масштабов катастрофы, если бы незамедлительно были приняты все необходимые оперативные меры, не возникло бы базы для трансформации социальной травмы ликвидаторов аварии на ЧАЭС и коллективной травмы обществ в культурную травму новых независимых государств [с. 342–343].

Представленные выше примеры конструирования культурной травмы из онтологической неуверенности показывают, как государства формируют понимание риска посредством выработки коллективной идентичности и идеологии. В постсоветскую эпоху восприятие безопасного настоящего и будущего в новых независимых государствах (ННГ) определяется, в числе прочего, их отношением к своему историческому прошлому. Если последнее оценивается положительно, то безопасное настоящее и будущее выступают его

логическим продолжением. Но если прошлое оказывается «нагружено» негативными моральными коннотациями, безопасное настоящее и будущее конструируются вне связи с ним. С учетом того, что в массовом сознании обществу ННГ Россия воспринимается как государство, унаследовавшее все родовые черты и пороки СССР, отношение к советскому прошлому из разряда вопросов чисто теоретических переходит в плоскость практическую – может ли Москва рассчитывать на то, что выбор геостратегического направления развития бывших союзных республик, будет сделан в ее пользу.

И.А. Сидоров

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИИ: КОНСОЛИДАЦИЯ ОБЩЕСТВА ЧЕРЕЗ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕМУ ВРАГУ (Сводный реферат)¹.

KYRCHANOFF M. Politics of memory as historical politics in Georgia: from desovietisation to the invention of the Sovietness // *К а в к а з с к о е с о т р у д н и ч е с т в о*. – 2017. Mode of access: http://georgiamonitor.org/upload/kyrchanoff_vsu_mgimo_2017_engl.pdf

WERTSCH J.V., KARUMIDZE Z. Spinning the past: Russian and Georgian accounts of the war of August 2008 // *Memory studies*. – 2009. – Vol. 2(3). – P. 377–391.

Ключевые слова: историческая политика; коллективная память; изобретение традиции; Грузия; шаблон повествования; Россия.

Постсоветское национальное возрождение сопровождалось радикальными изменениями в системе ценностей обществ новых независимых государств, и прежние идеологически выверенные, патриотические нарративы стали первыми жертвами этой трансформации. Поиск иных ориентиров отразил

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.* – М., 2018. – № 3.

стремление республиканских элит отмежеваться от некогда всемогущей Москвы, в том числе за счет демонстративного разрыва с коммунистической идеологией. В обновленной системе координат события советской эпохи начали интерпретироваться сквозь призму локального национализма.

В своей статье «Историческая политика в современной Грузии: от десоветизации до изобретения советского», М.В. Кирчанов (Воронежский государственный университет, Россия), анализирует механизмы пересмотра исторической памяти в транзитных обществах на примере постсоветской Грузии. Настоящая работа представляет собой обобщение тезисов доклада, представленного автором на организованном в МГИМО некоммерческом партнерством «Кавказское сотрудничество» семинаре на тему «Советское наследие и историческая политика на Южном Кавказе».

По мнению М.В. Кирчанова, политизация исторической памяти минимизирует роль профессионального исторического сообщества. Манипулятивный потенциал нарративов о прошлом представляется слишком очевидным, чтобы власти были заинтересованы в поддержании сообщества неангажированных историков, и последние, в конечном итоге, лишаются возможности проведения независимых исследований. В подобной ситуации научное значение истории как формы знания размывается, и она обретает черты «политической веры», трансформируясь в одну из составляющих механизма поддержания национальной идентичности.

Манипулятивность исторической политики предопределяет то, что одни моменты и факты могут актуализироваться (воображаться или изобретаться) в рамках различных форм и стратегий проработки прошлого, а другие, наоборот, подвергаться сознательному забвению и вытеснению.

Грузия не стала исключением из универсальной логики взаимоотношений исторического знания, национализма и политических устремлений правящих элит.

В статье особо подчеркивается роль государственных СМИ в процессе «воображения» и «изобретения» национальных традиций, переформатирования историко-политических воспоминаний и унификации различных форм исторической памяти. Они принимают активнейшее участие в идеализации весьма непродолжительного политического опыта Грузинской Демократической Республики (1918–1921), представляя ее первой страной на периферии Европы, где в конце второго десятилетия XX в. были осуществлены значимые реформы, призванные приблизить нацию к идеалам свободы, равенства и соблюдения прав человека. Таким образом обретенная Грузией с распадом СССР независимость трактуется как «возвращение к истокам» [с. 3–8].

Грузинскую историческую политику характеризует антиимпериалистический нарратив, причем в рамках стратегии деимпериализации формируется негативный образ России, как государства склонного к агрессивной внешней политике и территориальному ревизионизму. Негативные современные стереотипы активно транслируются на факты прорабатываемого и изображаемого прошлого.

В качестве наиболее яркого примера изобретения традиции М.В. Кирчанов указывает на формирование в Грузии культа Дня советской оккупации (25 февраля), которому придается сакральное значение в контексте потерь и жертв, которые якобы понесла и продолжает нести грузинская государственность. В массовое сознание современного грузинского общества была интегрирована четкая формула, увязывающая понятие «оккупация» с опытом нахождения Грузии в составе СССР, опытом, трактуемым однозначно негативно, в терминах «утраты государственного суверенитета и политической независимости». Соответствующее постановление, где, в частности, упоминается, что Россия продолжает оккупировать часть грузинской территории, удерживая свои войска в непризнанных Абхазии и Южной Осетии, парламент Грузии принял в 2010 г. День советской оккупации в

инструментарии грузинской исторической политики имеет преимущественно политико-идеологические коннотации и «работает» на поддержание гражданского национализма [с. 9–11].

Ключевыми элементами повестки дня современной грузинской исторической политики, по мнению М.В. Кирчанова, являются: возрождение идей средневековой Великой Грузии при полном отрицании позитивного российского влияния на нее; идеализация Первой Республики; культивирование идеи о советско-российской оккупации и «оккупированных территориях»; позитивный миф о национальном движении. Современная историческая политика Грузии содействует маргинализации профессионального исторического сообщества и вдохновляет политизацию и идеологизацию исследований [с. 11–12].

Потеря осетинских и абхазских территорий в 2008 г. заставила политические элиты делать выбор в пользу закрытой модели работы с памятью, т.е. противопоставления грузинской истории историям других сообществ, воспринимаемых как политические и исторические конкуренты и противники.

В заключении, автор отмечает, что модель исторической политики, основанная на секьюритизации памяти, конечно, чрезвычайно удобна правящим политическим элитам, однако, ограничивает возможности для интеллектуального маневра современного грузинского исторического сообщества [с. 13–15].

В статье Джеймса В. Верча и Зураба Карумидзе (Вашингтонский университет в Сент-Луисе, США) ««Раскручивание» прошлого: представления россиян и грузин об августовской войне 2008 г.». сравниваются грузинский и российский государственные нарративы о событиях 08.08.08. Высвечивая роль СМИ и политических лидеров в «раскручивании» прошлого и формировании национальной коллективной памяти, авторы определяют суть принципиального расхождения в трактовке войны 2008 г. грузинским и российским обществами.

В то время как в России представители медиа и высших эшелонов власти последовательно выстраивали образ конфликта, как следствия неспровоцированной атаки агрессора, приведшей к заслуженному и решительному отпору, направленному на защиту российских граждан грузинские СМИ и руководство определяли августовскую войну в терминах «запланированного вторжения на суверенную территорию небольшой страны огромной военной державы, намеренной вернуть ее состав своих земель» [с. 378].

Разделяя представление о существовании множества несовпадающих типов социальной памяти, производимой в специфических контекстах, авторы заимствуют теоретическую рамку своего исследования из работы признанного американского эксперта в области социологии СМИ Майкла Шадсона – «Уотергейт в *American Memory*: как мы помним, забываем и восстанавливаем прошлое», – убедительно доказавшего важность изучения механизмов конструирования различных версий прошлого отдельными социальными институтами, а также необходимость анализа конкуренции этих институтов за признание истинности предлагаемых ими версий¹ [с. 378].

Дж.В. Верч и З. Карумидзе полагают, что максимально приблизится к пониманию сути коллективной памяти можно через ее рассмотрение в терминах «посредничества» (mediation), причем, посредничества, в котором задействованы «инструменты повествования» (narrative tools). Иными словами, между событием и его репрезентацией существует набор символических средств, наделяющих это событие новыми смыслами. Апеллируя к трудам Л.С. Выготского и Э. Кассирера², авторы подчеркивают, что большинство человеческих переживаний опосредовано, и фокус внимания исследователя следует направить на установление того, какие символические средства

¹ Schudson M.S. *Watergate in American memory: How we remember, forget, and reconstruct the past.* – N.Y.: Basic books, 1993.

² Vygotsky L.S. *The Instrumental method in psychology // The concept of activity in Soviet psychology* / Ed. by J.V. Wertsch. – Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1981. – P. 134–143; Cassirer E. *Language and myth.* – N.Y., L.: Harper & Bros, 1946.

используются в интерпретации событий и как они формируют их понимание. В случае августовской войны кассиреровское «проклятие опосредованности» проявилось в том, что даже люди, напрямую вовлеченные в ситуацию, были вынуждены использовать символические средства для осознания и описания того, что они наблюдали лично. Объяснение увиденного чаще всего строилось на экстраполяции уже сформировавшихся в независимых Грузии и России интерпретативных схем истории взаимодействия двух государств на современные «кейсы» [с. 379].

Вслед за М. Хальбваксом и П. Нора авторы разграничивают понятия коллективной памяти и формальной истории, рассматривая их как находящиеся в оппозиции друг к другу, где исторический анализ представляет угрозу для комфортной уверенности в памяти. Дж.В. Верч и З. Карумидзе поясняют, что история может изменить повествование, чтобы остаться верной фактам, в то время как коллективная память готова изменить факты, чтобы сохранить верность повествованию [с. 380].

С точки зрения авторов, закрепившаяся в коллективной памяти интерпретация событий обычно вписывается в некий национальный шаблон повествования. Дж. В. Верч и З. Карумидзе обнаруживают отдельные повторяющиеся элементы (в том числе, относящиеся к выстраиванию сюжетных линий) в патриотических нарративах, описывающих разные события [с. 380]. Использование одних и тех же шаблонов повествования отражает преемственность истории, но также может «вытянуть» некое не лишнее значимости событие на более высокий уровень, сообщив ему дополнительные историческую глубину и смысл.

В статье детально рассматриваются шаблоны повествования, актуализированные в грузинском и российском нарративах о событиях 08.08.08.

По мнению авторов, повествовательным шаблоном, задающим вектор российской коллективной памяти, является история «изгнания иностранных

захватчиков» [с. 381]. Он обеспечивает мощную интерпретирующую структуру, которая определяет направленность работы участников мнемонического сообщества по осмыслению новых событий, значение которых пока еще, в силу абберации близости, остается неясным. Действуя в рамках шаблона «изгнание иностранных захватчиков», российские официальные лица утверждали, что граждане РФ (в лице тех жителей Южной Осетии, что за последние несколько лет сумели получить российский паспорт) стала жертвой грузинской агрессии. Данный тезис Дж. В. Верч и З. Карумидзе иллюстрируют ссылками на выступления постпреда России при ООН В.И Чуркина, призывавшего в своих обращениях к постоянным членам этой авторитетной международной организации «положить конец варварским бомбардировкам грузинскими вооруженными силами мирного города и осудить действия Тбилиси». В данном случае, тот же обстрел Цхинвала в ночь с 7 на 8 августа 2008 г. легко вписывается в российский национальный шаблон повествования о необоснованной и бессмысленной агрессии иностранных захватчиков в отношении граждан мирной и не намеренной вмешиваться в дела других государств страны [с. 382]. Авторы также упоминают пресс-конференцию занимавшего в то время пост премьер-министра РФ В.В. Путина от 12 августа, когда тот сравнил штурм Цхинвала с нападением Германии на Польшу в 1939 г. [с. 383]. Определяя подобное заявление как надуманное и крайне неоднозначное, Дж. В. Верч и З. Карумидзе указывают, что такого рода формулировки отражают глубокую приверженность российского мнемонического сообщества тем интерпретационным схемам, которые находящиеся за его пределами оценить зачастую не в состоянии. Самопозиционирование России как жертвы агрессии и издевательств со стороны внешних врагов обычно вызывает недоумение и удивление западных читателей [с. 384].

В свою очередь, грузинская сторона предложила свою трактовку событий августовской войны, вписывающуюся в повествовательный шаблон «борьбы за

независимость и демократию». 12 августа, когда президент РФ заявил о завершении операции по принуждению Грузии к миру, грузины отмечали народный праздник Дидгороба, символизирующий значимость национального единства. Он связан с самой известной в истории государства битвой: в этот день в 1121 г. грузинский царь Давид Агмашенебели (Давид Строитель) одержал победу над армией тюрков-сельджуков в Дидгори. Царь заманил турок в узкое ущелье, где они не смогли воспользоваться своим численным превосходством, и разбил вражеское войско. В грузинском национальном нарративе особо подчеркивается, что благодаря борьбе Давида Строителя, от нашествия полчищ тюрков-сельджуков были спасены не только соседние с Грузией страны, но и Европа, и именно с 1121 г. патриоты отсчитывают начало «золотого века» грузинской истории [с. 384]. И М. Саакашвили в своих выступлениях в полной мере использовал символический капитал этого события, чтобы обосновать необходимость продолжения уже не военного, но политического сопротивления т.н. российской агрессии. Так, в частности, играя на созвучии имен, М. Саакашвили заявил, что: «битва Грузии против России – это битва библейского царя Давида с Голиафом» [с. 385]. С грузинской точки зрения, малочисленность нации, наряду с тем, что страна находится в центре геополитического противостояния Востока и Запада, обрекают ее на постоянное отстаивание своей независимости и территориальной целостности.

Стоит отметить, что Давид Строитель в грузинской коллективной памяти предстает олицетворением мирного, толерантного и демократического правления. Эти элементы «золотого века» воспринимаются на уровне массового сознания, как идеалы, которые нации зачастую не удается достичь исключительно по вине внешних врагов, раздувающих внутренние противоречия [с. 385].

Утверждение о том, что «борьба за независимость и демократию» является базовым повествовательным шаблоном Грузии, авторы иллюстрируют цитатами из выступления С. Саакашвили на митинге 12 августа 2008 г. митинге

12 августа. Грузинский «кейс» вписывается в цепочку предпринятых другими народами попыток сопротивления зараженной имперскими амбициями державе. Так, в частности, М. Саакашвили заявил: «Всего за час русские ввели в Грузию 1200 танков – больше, чем в Афганистан в 1979 г., в Венгрию в 1956 г., в Чехословакию в 1968 г. ... Тбилиси сегодня, 12 августа 2008 г., это Прага 1968 г., Будапешт 1956 г., Финляндия и Карелия 1939 г.» [с. 386]. Другие выступавшие на митинге официальные лица связали т.н. российское вторжение с «нападением советских войск на безоружных гражданских лиц в Тбилиси 9 апреля 1989 г. в нестабильный период дезинтеграции СССР». Государственный министр Грузии по вопросам европейской и евроатлантической интеграции Георгий Барамидзе заключил: «эмоции, которые объединяют нас сегодня, столь же чисты, как те, что связывали нас здесь же в ночь на 9 апреля 1989 г., когда мы столкнулись с той же угрозой...» [с. 387]. Параллель, проведенная Г. Барамидзе между событиями 1989 и 2008 гг., явно выходила за рамки нейтральной когнитивной интерпретации и была призвана обеспечить эмоциональную привлекательность антироссийскому движению. Это было обращение, в основе которого лежала эксплуатация традиционной дихотомии «мы-они» и представления о необходимости любыми средствами защищать свое сообщество от враждебно настроенных чужаков.

Дж. В. Верч и З. Карумидзе особо подчеркивают, что в национальном нарративе Грузии в качестве естественного состояния существования грузинского народа фиксируется то, что с точки зрения формальной истории, длилось весьма непродолжительное время – т.е. краткие периоды независимости. Эвиатар Зерубавель, ученик И. Гофмана и представитель современной когнитивной социологии, называл подобные парадоксы национальной памяти «диспропорциональной мнемонической озабоченностью» (*disproportionate mnemonic preoccupation*) [с. 387].

В заключении авторы констатируют, что повествовательные шаблоны, связанные с прошлым нации, оказывают сильное влияние на интерпретацию

событий настоящего. Использование национальных шаблонов повествования политическими элитами рассматривается в статье как часть их усилий по объяснению и оправданию собственных действий для внутренней и международной аудиторий. Таким образом, взаимодействие современного общественно-политического дискурса и национальной коллективной памяти может быть описано в терминах взаимообусловленности и взаимовлияния, а исследование степени выраженности последних должно составить одно из направлений политической социологии.

Д.Ю. Безгина

КРИСТИАН С.М. АУТИЗМ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕТАФОРЫ АУТИЗМА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ.

CHRISTIAN S.M. Autism in international relations: A critical assessment of international relations' autism metaphors // European j. of international relations. – L., 2018. – Vol. 24, N 2. – P. 464–488.

Ключевые слова: аблеизм; аутизм; недееспособность; инвалидность; международные отношения; нейроразнообразие; риторика.

Стивен Майкл Кристиан (Университет Юты, США) анализирует взаимосвязь международных отношений с аблеизмом. Аблеизм – это социально-политическая система нарративов, институтов и действий, которая укрепляет систему взглядов, при которой физически и умственно здоровые люди находятся в более привилегированном положении, а люди с различными девиациями подвергаются дискриминации и всевозможным ограничениям со стороны социума. Автор рассматривает различные метафоры недееспособности в контексте международных отношений, которые используются исследователями. С. Кристиан утверждает, что использование метафоры аутизма является дискриминационным, поскольку усиливает восприятие аутизма как чего-то упрощенного, обобщенного и в целом негативного.

По мнению С. Кристиана, использование метафоры аблеизма в международных отношениях охватывает широкий набор случаев, начиная с того, что война «калечит» международных акторов, и заканчивая тем, что государства страдают от различных «патологий», а также тем, что мировые лидеры «слепы» в отношении мировых реалий и «глухи» к предостережениям скептиков [с. 2]. Автор статьи подчеркивает, что спорное использование метафор может привести к деструктивным и вредным последствиям, не только закрепляя вредные способы мышления о других, но также влияя на то, как исследователи думают о мире. С другой стороны, метафоры аутизма в международных отношениях являются перспективными, так как формируют и усиливают понимание аутизма, который часто упрощают, чрезмерно обобщают или иным образом отрицательно искажают.

Изучая механизм применения метафоры аутизма, автор анализирует две модели их использования: 1) «аутизм как болезнь» (autism-as-disease); 2) «аутизм как одиночество» (autism-as-aloneness). Ученые также используют и другие проблемные ассоциации: аутизм как насилие и аутизм как вечное детство. Автор считает, что исследователи используют метафоры аутизма либо для уничтожения внешней политики иностранного государства, либо для подтверждения своих аргументов в международных отношениях [с. 3].

Центральное утверждение наук, изучающих недееспособность, сводится к тому, что понимание недееспособности зависит от властных отношений, социального устройства, исторических и политических непредсказуемых обстоятельств, которые создают и усиливают аблеизм. Рассматривая ряд концепций аблеизма, инвалидности и аутизма, автор выделяет несколько уровней понимания недееспособности. Первый уровень связан преимущественно с медицинским дискурсом: люди часто воспринимают недееспособность с точки зрения патологий и биологических отклонений, которые требуют специального лечения, нормализации и «изгоизации» / изолирования больных. Второй уровень понимания недееспособности связан с

социальной маргинализацией индивида, которая, тем не менее, не является неизбежной. Речь идет о том, что недееспособные люди стремятся в рамках социальной среды сопротивляться дискриминации со стороны других [с. 4].

Выразительные средства языка в контексте проблемы инвалидности обычно используются как маркеры наличия дефектов и бессилия. Недееспособность ассоциируется в этом смысле с аномалиями, ограничением способностей, слабостью, неспособностью воспринимать себя как субъекта действий и иногда связывается с отсутствием юридической правоспособности. По мнению С. Кристиана, использование метафор недееспособности в речи может усилить предубеждения против людей с ограничениями здоровья, что как раз входит в рамки предмета изучения недееспособности.

В качестве инструментов языкового выражения метафоры и иные фигуры речи могут влиять на степень убедительности тех или иных доводов и аргументов. Метафоры часто используются для того, чтобы разобраться в сложных научных понятиях заболеваний и недееспособности. Метафоры также могут стигматизировать и дегуманизировать оба эти понятия. Как правило, такие метафоры носят пренебрежительный оттенок: недееспособность часто является инструментом речи, который используется с целью выражения критики той или иной социальной, политической или культурологической ситуации [с. 5]. Например, если политики описывают отрицательные последствия санкций на их государство, то они могут заявить, что санкции несут «калечащие» (crippling) последствия для экономики их страны. Слово «калечащий» относится к другой понятийной парадигме, однако в этом конкретном случае оно усиливает эмоциональную окраску и придает вес словам политиков, что, вероятно, будет с готовностью воспринято электоратом [с. 6].

Автор утверждает, что в западных обществах возобладала дихотомия нормальности и аномальности [с. 7]. Критика дихотомии нормальности / аномальности формирует три важных аспекта для изучения метафор

недееспособности. Во-первых, она помогает прояснить механизм работы метафор инвалидности; во-вторых, она отражает жестокие последствия такой дихотомии для людей с ограничениями здоровья и других людей с аномалиями. В-третьих, контекстуализация этой дихотомии открывает обществу возможность переосмыслить восприятие людей с отклонениями, что будет содействовать преодолению аблеизма.

С. Кристиан также рассматривает понятие «нейроразнообразие» применительно к метафоре аутизма. Он отмечает, что вместо создания негативного образа аутизма как болезни, аутизм должен стать частью более широкого понятия «нейроразнообразие», которое используется по отношению ко всем людям вне зависимости от состояния их здоровья. В этом случае отклонение от нормы и атипичность воспринимаются как нормальные человеческие различия, которые должны уважаться и приниматься социумом [с. 10].

В международных отношениях аутизм представлен в трех аспектах. Во-первых, аутизм служит своеобразным «повествовательным протезом» для исследователей при описании внешней политики государств и дополнении собственных теорий (в этом случае он редко имеет положительные коннотации). Во-вторых, многие распространенные стереотипы аутизма (аутизм как вечное детство, аутизм как насилие, и особенно аутизм как болезнь и аутизм как одиночество) присутствуют в аналитических текстах по международным отношениям. В-третьих, автор подчеркивает, что независимо от того, осознают ученые негативные последствия использования метафоры аутизма или нет, эта метафора в области международных отношений так или иначе связана с «идеологией способности» (*ideology of ability*), которая дегуманизирует аутистичных людей и основывается на негативных стереотипах аутизма [с. 16].

Рассматривая использование понятия «аутизм» в международных отношениях, автор останавливается на двух вопросах: 1) каким образом

определенные государства приравниваются к аутистическим; 2) как теоретические аргументы ученых используются для подтверждения их точек зрения о государствах-аутистах. Автор выделяет следующие характеристики «государств-аутистов».

Во-первых, он выделяет «аутизм великих держав» (great-state autism), который связан с внешнеполитическими неудачами государств. Он приводит в пример Китай, который долгое время был сосредоточен на решении своих внутренних социальных и политических проблем, нежели глобальных. В то же время аутизм великих держав не всегда означает пренебрежение реалиями международной политики. Вторым государством, к которому применима метафора такого аутизма, является Япония в период своего имперского прошлого, а именно во время неудач Японии в создании про-японского лояльного общества государств-соседей в Восточной Азии. В некоторой степени аутистом можно считать и США, когда они не обращают внимание на особенности развития стран Ближнего Востока, вмешиваясь в их внутренние дела, устраивая государственные перевороты и способствуя эскалации региональных конфликтов.

Во-вторых, анализируя причины, по которым государства становятся аутистами, автор придерживается позиций, сформулированных предшественниками в этой области. Например, основываясь на концепции Э. Лютвака, он объясняет причины аутизма Китая через культурные и внутренние особенности развития¹. Кроме того, отмечается, что лидеры Коммунистической партии Китая серьезно озабочены перспективой потери легитимности своей власти и свержения правящей верхушки, и поэтому они вынуждены больше внимания уделять внутренней политике. Что касается Японии, то, по мнению экспертов, причины ее аутизма лежат в особенностях национальной культуры, которая культивирует коллективный эгоизм, что не позволяет ей признавать

¹ Luttwak E. The rise of China vs. the logic of strategy. – Cambridge (MA): Belknap press of Harvard univ. press, 2012.

свои проступки. Американский аутизм в свою очередь имеет «социальные корни», связанные с социальной и институциональной мощью страны.

Эксперты по внешней политике, используя метафоры аутизма, часто завуалированно или открыто предлагают решение или «предписывают лечение» (treatment), чтобы смягчить «симптомы» или исцелить государство от аутизма. Лютвак, например, предлагает следующие рецепты лечения: 1) великие державы должны быть способны уделять больше внимания международной системе, а не погружаться во внутреннюю политику; 2) только демократический режим правления может нивелировать деструктивные последствия аутизма [с. 17].

В заключение С. Кристиан еще раз акцентирует внимание на необходимости при употреблении метафоры аутизма осознавать социальные и политические последствия, которые могут вылиться в социальную дискриминацию людей с различными физическими и умственными отклонениями. Тем не менее, автор отстаивает важную роль метафор. По его утверждению, метафоры – это важные лингвистические маркеры, которые могут помочь передать сложные или новаторские идеи через соотнесение с уже известными и знакомыми понятиями [с. 21].

Е.А. Лексина

ДЖОНСТОН ДЖ. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС: НОВЫЙ ТИП МЫШЛЕНИЯ ДЛЯ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ?¹

JOHNSTON J. The public interest: A new way of thinking for public relations? // Public relations inquiry. – L., 2017. – Vol. 6, N 1. – P. 5–22.

Ключевые слова: коммуникация; политика; общественный интерес; связи с общественностью.

¹ Сокращенная версия данного реферата была опубликована в издании Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11.: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2018. – № 3.

Джейн Джонстон (Квинслендский университет, Австралия) считает, что понятие «общественный интерес» необходимо пересмотреть, учитывая его разнообразные применения в теории и на практике. Автор отмечает, что хотя это понятие широко используется в различных сферах жизни и различных научных дисциплинах, до сих пор нет ясного понимания того, что оно собой представляет [с. 6–7]. Автор предлагает проанализировать общественные интересы в контексте их пересечения со сферой связей с общественностью.

Дж. Джонсон отмечает, что, несмотря на разнообразные использования термина, большинство определений общественного интереса вытекает из прецедентного права, законодательства или сфер регулирования. Однако в научной литературе также подчеркивается, что общественный интерес должен формироваться с учетом индивидуальных принципов, определяться конкретными контекстами во временных рамках и не сводиться к единой дефиниции. Истоки определения можно найти в политической философии и политической практике. В этой области общественный интерес связан с различными теориями интересов в политических системах и обществе.

Что касается использования термина в медиа, то взаимосвязь СМИ и общественных интересов может быть проиллюстрирована двумя аспектами: во-первых, общественные интересы выступают в качестве причины возникновения сообщений и публикации новостей, касающихся «защиты интересов общественности» в судебных разбирательствах; во-вторых, через обращение к общественным интересам регулируются вопросы владения СМИ и проблема разнообразия содержания информации. Автор отмечает, что в рамках первого аспекта общественные интересы чаще упоминаются в связи с раскрытием преступлений или серьезных нарушений, защитой общественного здоровья и безопасности, предотвращением введения аудитории в заблуждение действиями или заявлениями отдельных лиц или организаций. При этом не стоит забывать о критическом взгляде на вопрос служения СМИ общественным интересам, учитывая их тесное сотрудничество с крупным бизнесом, а также

участие СМИ в предоставлении ложной информации. Что касается второго аспекта, то он раскрывается в рамках законодательных норм, которые призваны сбалансировать разнообразие новостного контента, а также защитить национальные интересы.

Рассмотрев способы использования понятия «общественный интерес» в различных сферах, автор приходит к выводу, что не существует единой формулы его понимания. Общественный интерес является одновременно неоднозначным, меняющимся и межкультурным понятием. Что касается практики его использования в сфере связей с общественностью, автор делает следующие выводы. Во-первых, поскольку работа связей с общественностью встроена в рамки культурных, социальных, правовых и политических структур, в которых существуют общественные интересы, исследователи выиграют от разработки более четкого определения, как теоретически, так и функционально. Во-вторых, понимание общественных интересов способствуют профессионализации исследовательских дисциплин и, таким образом, более активное его применение может повысить профессионализацию сферы связей с общественностью [с. 17].

Дж. Джонсон утверждает, что общественные интересы необходимо активно применять в сфере связей с общественностью, делая это таким способом, который будет наиболее приемлем для общества. Таким образом, многодисциплинарный характер связей с общественностью открывает потенциал для сотрудничества в различных направлениях. Это в свою очередь поможет сделать определение общественных интересов более точным и полезным.

Н.И. Плашкина